

ЕВГЕНИЯ ПЕРОВА

*Омуть
и отшельники*

«ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ
И ПРОНИЦАТЕЛЬНОСТЬ
ВАЖНЫ ДЛЯ МЕНЯ В
ЖИЗНИ И В ЛИТЕРАТУРЕ.
СОЕДИНЕНИЕ ЭТИХ КАЧЕСТВ
С ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫМ
ТАЛАНТОМ И ДЕЛАЕТ
КНИГИ ЕВГЕНИИ ПЕРОВОЙ
УВЛЕКАТЕЛЬНЫМИ».

Анна Берсенева

Круги по воде

Евгения Перова
Омуты и отмели

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Перова Е. Г.

Омуты и отмели / Е. Г. Перова — «Эксмо», 2017 — (Круги по воде)

ISBN 978-5-699-98545-6

«Омуты и отмели» – третий роман Евгении Перовой из цикла «Круги по воде», в котором рассказывается о судьбах Марины и Алексея Злотниковых. Тяжелые испытания выпадают на долю их семьи: пожар, болезнь Алексея, депрессия Марины, скандалы и разбирательства со взрослыми детьми и друзьями. Марина обращается в прошлое и пытается выяснить историю своих родителей. Удастся ли ей справиться с собственным кризисом и помочь молодому поколению в их душевных метаниях?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98545-6

© Перова Е. Г., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Часть 1	6
Часть 2	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Евгения Перова

Омуты и отмели

Сказать: я тебя люблю – это значит сказать: ты никогда не умрешь.

Габриэль Марсель

Оформление серии – *Е. Гузьякова*

Оформление переплета – *С. Власов*

Фото автора на переплете – *С. Курбатов*

В оформлении переплета использована репродукция картины художника *Висенте Ромеро Редондо*

Все имена и события в произведении вымышлены, любые совпадения считать случайными.

Часть 1

Деревенские страсти

Марина с Алексеем сидели на крыльце, где чувствовался хоть какой-то ветерок. Только что отобедали, и все разбрелись кто куда: к полудню жара делалась совсем невыносимой и даже взрослые, выбрав местечко попрохладней, заваливались спать. «Кто-то едет к нам», – сказала Марина, не открывая глаз. Да ей и не надо было: Марина видела внутренним зрением, но всматриваться совсем не хотелось, так разморило после обеда.

– Анатолий, наверное. – Леший говорил медленно, лениво.

Он приехал полторы недели назад и все никак не мог отойти от московского чудовищного смога: горели торфяники, и город накрыло дымным облаком. Ползал, как вялая муха – все ему было жарко и душно, все мерещился запах гари. Марина тоже приюхивалась и присматривалась – она давно ощущала разлитую в воздухе тревогу, у которой и правда был привкус дыма. А вчера она сама видела, как к реке пробежала лиса – худая, перепуганная, с опаленным хвостом. Марина сидела на берегу после купания, и лиса, увидев ее, замерла в сухой траве, тяжело поводя впалыми боками. «Беги, беги, не бойся!» – сказала тихо Марина, и лиса молнией метнулась вниз к воде, там она долго пила, а потом поплыла на другой берег.

Вечером туда же, за реку, пролетела большая стая каких-то птиц. Может, надо уезжать? – подумала Марина, не зная, на что решиться. Лёшка говорил, в Москве ужасно. Дома, конечно, был кондиционер – но не держать же детей остаток лета в четырех стенах?

Они жили здесь первое лето – по-настоящему, «всем колхозом». А «колхоз» был большой. Во-первых, сами Злотниковы – Марина с Алексеем. И дети: подростки Муся и Ваня, малыши Сонечка и Санечка, прозванные Совятами. Бабушка Лариса, свекровь Марины, умерла полгода назад, именно поэтому они наконец и смогли приехать в деревню. Хотя Лариса Львовна в последнее время совсем сдала и почти никого не узнавала, после ее ухода образовалась такая страшная пустота, что Марине пришлось приложить много сил, утешая и Лёшку, и детей, и Ксению. Она сама порой ловила себя на мысли: «Надо зайти, посмотреть, как там бабушка». Бабушка все сидела, бывало, у окошка – Лёшка повесил кормушку, дети сыпали семечки, а Лариса Львовна любовалась прилетавшими синицами и воробьями. Она сильно похудела и поседела, Марина сама стригла ее машинкой: «Покороче, дочка, покороче, – просила бабушка. – Надоели эти космы-то, страсть». Домработница Ксения Викентьевна, прозванная Скороговоркой из-за сложного имени-отчества и давно уже ставшая членом семьи, связала Ларисе Львовне разных шапочек, и Марина, заглядывая в комнату и видя бабушку в очередном кружевном чепчике, умилялась и целовала ее морщинистую щеку. Лёшка тяжело переживал смерть матери:

– Марин, а ведь я ее за всю жизнь ни разу не написал. Все думал – успеется. А теперь только по памяти...

Марина тоже чувствовала себя сиротой: после ухода Ларисы Львовны они с Лешим сразу стали самыми старшими в семье – не считая Скороговорки.

– Правда, странно, Марин? Вроде и так взрослые, уже и немолодые, а все словно дети, пока мама была жива.

– Да, не зря говорят: не то страшно, что мы взрослые, а то, что взрослые – это мы...

Входила в семью Злотниковых и Рита – дочь Лешего от первого брака. Он женился по залету, и ничего хорошего из этого союза не получилось. Когда Рите было три года, Алексей со Стеллой, первой женой, развелись. Случилось это после ее измены и чудовищного скандала, во время которого Лёшка узнал, что Рита ему не родная. Однажды маленькая Рита пару месяцев прожила у Злотниковых, пока ее мать налаживала отношения с биологическим отцом

дочери, уехавшим в Америку. Расстались они со слезами: Марина переживала, предчувствуя, что девочке будет несладко в Америке с такой непутевой матерью, а Леший даже запил.

А шесть лет назад беременная Рита, которой не было еще и восемнадцати, неожиданно свалилась им на голову, наотрез отказавшись возвращаться к матери. Что им оставалось делать? Конечно, пригрели и Риту. Ее Лёсик родился через несколько месяцев после Свят, и Марина стала малышу молочной матерью – да и не только молочной, потому что Рита избегала ребенка, рожденного ею неизвестно от кого. Взбалмошная, неорганизованная, самолюбивая, с кучей всевозможных комплексов, одинокая и несчастная Рита никак не могла найти общего языка ни с кем из семьи, а Муся с Ванькой ее откровенно невзлюбили. А ведь Рита была одаренной девушкой: глубоко чувствовала музыку, много читала и даже написала скандальный роман о собственной жизни, выставив в нем Марину главной злодейкой, разбившей их семью.

Лёсик в отличие от боевых Свят рос тихим и покладистым: никогда не плакал, покорно шел ко всем на руки и любил играть, обожая строить невероятные башни из кубиков. Он был необычным ребенком, и это отмечали все: маленький не по возрасту, очень серьезный, он так смотрел на всех своими удивительными светлыми глазами, что становилось не по себе, как будто этот младенец знал что-то такое, что было недоступно взрослым.

Вторым «кланом», жившим в деревне Екимово, были Свешниковы: бизнесмен Анатолий, его вторая жена – француженка Франсуаза, которую нежный муж любовно звал Фросей, и их маленький Савушка, почти ровесник Своятам и Лёсику. Когда-то Анатолий был женат на Валерии, необыкновенно красивой и загадочной женщине, наделенной удивительными способностями, которые унаследовала лишь Кира – старшая из их дочерей-близнецов. Она редко появлялась в семейном кругу, чему отец только радовался, устав разгрести последствия Кириных авантюр, иной раз почти криминальных. Младшая Мила неожиданно для всех стала католличкой и приняла постриг, так что теперь пребывала в одном из итальянских монастырей под именем сестры Людовики.

Кроме родных дочерей у Анатолия была еще одна головная боль – Аркаша, сын второго мужа Валерии. Он тоже жил «отрезанным ломтем» – несколько лет назад он начал изменять Юлечке, беззаветно любящей жене, и чуть не свел ее в могилу. Почти одновременно в двух его семьях родились дети – сын любовницы и Юлечкин Илюша. Своевременная помощь Марины все расставила по своим местам, и теперь вполне оправившаяся после болезни и операции Юля стала лучшей подругой Марине, которую раньше недолюбливала – уж очень та была дружна с Валерией. А Валерию Юля всегда опасалась.

Марина же относилась к Валерии как к матери – ведь именно Валерия помогла ей справиться с внезапно открывшимся даром ясновидения: наладила «машинку», и колесики завертелись. Даже узнав горькую правду, Марина не изменила своего отношения: оказалось, что Валерия, галерейщица и меценатка, пригрела художника Злотникова и его жену, чтобы зарядиться от них энергией, которой ей самой не хватало. Алексей, вдохновленный своей Музой – Мариной, – написал необычайно сильную картину «Ангел Надежды», которая и была источником энергии для Валерии, выкупившей ее за огромные деньги на аукционе. Но потом случилось так, что энергетическая связь между Валерией и Алексеем оборвалась. Валерия умерла, и последствия ее ухода были катастрофическими для обоих семейств. Но постепенно все уравновесилось, и никакие тени прошлого не помешали Злотниковым и Свешниковым поселиться вместе в этой затерянной среди лесов деревушке.

Марина вместе с Своятами, Лёсиком и Скороговоркой жила здесь с начала мая, так же как Фрося с Савушкой и Юля с Илюшей, а мужчины курсировали между деревней и Москвой – у обоих там были дела. Рита в деревню страшно не хотела, но одну ее Лёшка категорически не оставлял в городе, поэтому она приехала вместе со всей остальной компанией – Митей, Мусей и Ванькой.

Единственным, кого еще ни разу не удалось заманить в деревню, был Стивен – Стёпик, Стёпочка, обожаемый обоими семействами. Валерия взяла Стёпика из дома малютки, а Марина, как только увидела, сразу и полюбила трогательного чернокожего малыша – между ними с самой первой встречи образовалась удивительная душевная связь. Марина никогда не забывала, как крошечный Стёпик обнял ее за шею и громко прошептал на ухо: «Я тебя люблю!» Марина иной раз недоумевала: зачем Валерия взяла Стёпика в дом? Она и дочерьми-то не сильно занималась, отдав их в руки гувернанток и домашних учителей, а уж мальчиком и подавно – ну, поиграет с ним немножко, и все. Как с экзотической зверушкой! Но потом Марина поняла, что в Стёпочке тоже есть доля той силы, которой одарены они с Валерией: он не умел читать мысли или воздействовать на людей, но был так чуток и доброжелателен, что любой, кто с ним общался, сразу попадал под его обаяние и заряжался позитивной энергией. «Неужели Валерия этим пользовалась?» – ужасалась Марина. После смерти Валерии Стёпик оказался никому не нужен, и Марина забрала его к себе в дом. Сейчас Стёпик, давно превратившийся в Стивена, стал превосходным джазовым пианистом – он жил отдельно и часто уезжал на гастроли.

Про деревню Екимово Алексею Злотникову рассказал отец Арсений, давний друг семьи – деревня находилась в его приходе. Когда-то он служил в Кологриве, там Злотниковы с ним и познакомились. Именно отец Арсений помог Марине окончательно разобраться в собственных мыслях, научил нести в мир любовь. Потом Марина помогла Арсению и его жене Наталье пережить глубокое личное горе, а Анатолий устроил перевод священника в Костромскую епархию. Теперь они и вовсе стали соседями – Арсений жил всего в каких-то семнадцати километрах от Екимова.

А Леший, лишь только увидев необыкновенный дом, украшенный деревянной резьбой, загорелся так, что и Анатолия втравил. Свешников тут же скупил все, что там продавалось, и затеялся, как выражался Лёшка, строить социализм в одной отдельно взятой деревне – благо денег у него было немерено, на любой «социализм» хватит. Первые два года Анатолий с Лешим, наняв бригаду таджиков, азартно ломали, строили и перестраивали. Пробурили артезианскую скважину, поставили водонапорную башню – огромный металлический бак привез заказанный Анатолием вертолет. Лёшка устроил себе столярку и самозабвенно возился там целыми днями, вырезая недостающие наличники и балясинки к своему терему. В придачу к русской бане завели сауну, мечтали еще отремонтировать дорогу и наладить электролинию, так что местные только дивовались.

Впрочем, местных было раз, два и обчелся, и всё старики: голубоглазый Семен Семеныч, матерщинник и выдумщик, бабка Марфа, сестры Маша-Клаша, а еще бывшая учительница местной школы, одинокая старая дева с диковинным именем Иллария – Иллария Кирилловна! «Как раз в пару вашей Ксении Викентьевне, – посмеиваясь, говорил Анатолий. – Еще одна Скороговорка!» И точно – они даже похожи были, как настоящие сестры, в отличие от Маши-Клаши: Маша маленькая и чернявая, а Клаша – высокая и громогласная. «Ну, гренадер!» – смеялся Семеныч, а та обижалась. Маша-Клаша быстренько продали Анатолию свой дом и уехали к Клашиной дочери в Ярославль, а остальные остались. Илларию Толя тут же приспособил в помощницы к Фросе, Семеныч стал чем-то вроде сторожа, а почти девяностолетняя бабка Марфа – она уже не вставала, и за ней ухаживала та же Иллария, – была просто кладезем всех местных преданий и легенд, большинство из которых, как считал скептически настроенный Семеныч, сама же и сочинила.

Место было действительно замечательное – за спиной у деревни сосновый бор, впереди река. Рыбалка, грибы-ягоды, воздух, парное молоко – Семеныч держал коз. «Рай, ну чисто рай!» – вздыхал Лёшка. А Толя никак не мог угомониться и все этот рай совершенствовал: то затеется пристраивать к своему дому террасу, то купит трактор, то придумает какие-то невиданные парники, то загорится идеей завести солнечные батареи на крыше. А в это невыносимо

жаркое лето он поставил два бассейна – большой и маленький лягушатник, благо воды хватало. Но за день вода в бассейнах нагревалась чуть не до кипятка, поэтому бегали на речку, где было много ключей.

Жили они действительно каким-то колхозом. Сначала еще пытались каждый вести свое отдельное хозяйство, но это оказалось утомительно, и скоро сообразили сделать летнюю кухню и поставить под навесом длинный стол с лавками. Готовили по очереди, и дети чуть не дрались за право ударить в большой медный гонг, привезенный Толей из Африки, – чтобы созвать народ к обеду или ужину. Потом образовалось что-то вроде детского сада для самых мелких, за которыми тоже присматривали по очереди.

Свешниковы поселились в своем еще не совсем отделанном доме, а в купленной у Маши-Клаши избе устроилась Юлечка с мальчишками. В резном тереме жили Злотниковы, Ксения Викентьевна и Рита с Лёсином – комнат хватало, и Лёшка то и дело распевал, увидев Мусю, выглядывающую из верхней башенки: «Живет моя отрада в высоком терему!» А Марина просто не знала, что делать с Лёшкиной «отрадой» – с Мусей. Они с Ванькой поменялись местами: бывший «вождь краснокожих» стал спокойным и рассудительным подростком – к Мусе он относился слегка снисходительно, словно она была его младшей, а не старшей сестрой. Совершенно неожиданно Ванька вдруг подружился с Анатолием и ходил за ним хвостом.

– Вань, о чем вы с дядей Толей разговариваете? – не выдержав, спросила раз Марина.

– О бизнесе, – ответил Ванька, глядя на нее ясным взором. Он смачно хрумкал огурцом и подкидывал мяч, собираясь бежать к ребятам на волейбольную площадку.

– О чем?!

– Ну, финансы, экономика всякая.

– И тебе это интересно?

– Ага. Мам, ты что, это ж круто! – И убежал, подпрыгивая.

И Муся, и Ваня учились ровно по всем предметам – Муся на пятерки, Ванька похуже, иной раз схватывая и тройки. Никаких особенных талантов у них не было: точно так же, как Муся перепробовала все на свете, от скрипки до бальных танцев, Ванька перезанимался всеми видами спорта, от карате до хоккея, и остановился в конце концов на плавании – драться ему не нравилось, а играть в команде он не любил. Марина просто не представляла, куда его пристраивать после школы. И вот, пожалуйста, – Ванька заинтересовался финансами! Проходя как-то мимо столярки, Марина увидела копошившегося там Анатолия и подошла:

– Толь, что ты мучаешься. Дай Лёшке, он тебе моментом сделает.

– Лёшка-то сделает. Самому интересно. А, черт! – он прищемил палец.

– На-ка лучше, похрусти, отдохни. – В подоле фартука Марина несла собранные огурцы.

Они сели на лавку и взяли оба по пупырчатому огурцу. В столярке вкусно пахло нагретым на солнце деревом, теми же огурцами и близкой рекой.

– Ой, хорошо как...

– И не говори.

– Толь, а что такое Ванька сказал: ты с ним про финансы беседуешь?

– Ну да. Слушай, у тебя толковый парень.

– Это ты про Ваньку говоришь? – уточнила Марина. – Про моего Ваньку?

– А что, еще один есть? Чему ты удивляешься? Толковый паренек. В город вернемся, пусть приезжает ко мне, позанимаюсь с ним. У него понимание есть и чутье. Подожди, начнет на бирже играть, миллионером станет. Жалко, молод еще. Ему сколько, четырнадцать?

– Весной было.

– Да, это лет двадцать надо ждать. Не доживу. А то я бы ему дело передал. Надо будет его в Лондон послать учиться, пусть там из него джентльмена сделают.

– Вот в Лондоне ему самое место, Ваньке! А тебе что, больше и передать некому?

– А кому, Марин? Савушка еще под стол пешком ходит, девкам не надо ничего, не дождусь от них ни зятьев, ни внуков...

– Аркадий что же? Не годится?

– Не годится. Марин, он пустое место, и все это знают, и сам он знает, потому так перед бабьем своим и выпендривался. Тяну его из последних сил, все-таки сын, хоть и приемный. Его, конечно, пожалеть можно: вырос, как трава при дороге – все детство по интернатам. Да и наследственность плохая по линии родной матери. Не знаю я, что с ним делать. Другого давно бы уволил. Он ведь запил после развода-то, представляешь? Всю жизнь мы ему, оказывается, поломали.

– Да ты что!

– Вытащил его, закодировал. Теперь он играет!

– Во что играет?

– Да не во что, а на деньги. В казино. Рулетка, покер. Скоро до игровых автоматов скакнется. Два раза уже за него такие суммы платил! Горе одно.

– Да-а, ничего себе, Аркаша. И правда, смотри: ты император, а наследника нет. Империю некому оставить.

– Да какой я император, Марин. Какая империя, о чем ты говоришь. У меня ж нет ничего.

– Ага, гол, как сокол!

– Вот ты смеешься, а правда: у меня одна основная фирма, и все. С филиалами. Ну, дом в Москве, деревня. Вот в Костроме еще дом, никак не продам. И еще кое-что, по мелочи. Деньги есть, это да. Я ж не идиот, чтобы футбольные команды скупать! Я лучше на сирот денег дам. Только воруют много, которые на сирот-то собирают, жалко на эту прорву. Кстати, а что у тебя с деньгами, которые Валерия оставила?

– Ничего, лежат в банке.

– В банке они у нее лежат! В стеклянной или какой? Деньги работать должны, а не лежать! Надо заняться вами, а то что это – в банке лежат!

– Вот и займись, а то ворчишь только. А что у тебя за фирма? Давно хотела спросить.

– Фирма? Да мы технику выпускаем, приборы всякие. Очень тонкие и точные. И дорогие. Спрос небольшой, но постоянный – для медицины, космоса, для оборонки. Мой бизнес не на крови, Марин. Мне «крыша» никогда не была нужна – я всю дорогу под оборонкой хожу. У меня еще с армии друзья остались, они потом в большие люди вышли, в отличие от меня.

– Как же! А то ты маленький!

– Я маленький. Мелочь пузатая. Мы в кильватере шли за ледоколом. Атомным. Вот он гений, мужик этот. А мы так, погулять вышли. Валерия его сразу вычислила. Я даже боялся, что... Но она сказала, он и без нее далеко пойдет. С компьютеров начинали – из загранки везли, тут собирали, продавали. Я-то сначала вообще на подхвате был – ни образования, ни понимания. Потом Валерия меня натаскала, учиться заставила. Да и я сам тянулся за «ледоколом». А потом он дальше двинулся лед крушить, а мы причалили к берегу. Валерия сказала: «Хватит. Дальше опасно». Несколько миллионов сделали, а дальше только пасли их, как овец, чтобы шерсть да жирок нагуливали. Деньги – они сами делают деньги, понимаешь? Надо только не зарываться. Меру знать. Я знаю, слава богу.

– А что с ним стало? С «ледоколом»?

– Сидит, что с ним стало. На второй срок пошел.

– Так это он?

– Ну да. Так что Валерия правильно все увидела. А нынешняя фирма, она случайно, в общем-то, образовалась. Представляешь, в бане!

– Что – в бане?

– Да придумали мы это в бане! Познакомился там с мужиком, а он чуть ли не академик. И рассказал мне про своего ученика, который одну необыкновенную штуку изобрел, страшно

важную, а толку никого, потому что у нас не продвинешь никак. А на Запад продавать не хочется, но придется, наверное. Ну, я и встрял. Их наука, мои деньги. Вот и жалко, понимаешь? Производство уникальное, специалисты – один другого лучше, по зернышку собирали. И что – теперь все чужой курочке отдать? Американцы прямо сейчас купили бы, не говоря о китайцах. Жалко. И нечем меня заменить, нечем. У нас народу немного, каждый на своем месте. Один вот Аркаша балластом.

– Толя, а ты присмотрелся бы к Мите. Ты знаешь, я плохо в этом понимаю, но ребята мои говорят – он компьютерный гений.

– Хакер, что ли?

– Да я не разбираюсь. Но Митя уже с седьмого класса деньги зарабатывает, и неплохие. Программы какие-то делает, что-то такое. Он матери на сороковник машину хочет подарить, копит. Они же Аркашины деньги по минимуму тратят, а так Митя зарабатывает.

– Ты подумай! Молодец какой. Да я не знаю, Марин, как к ним и подойти – Юля меня не любит, Митя волчонком смотрит, того гляди, укусит.

– Я поговорю с ними, хочешь?

– Поговори. Может, хоть из этих толк будет. Да, вспомнил! Давно спросить собирался: вы с Лёшкой не хотели бы галерею Милкину взять? Киркин магазин уже прогорел, а галерея еще дышит. Миле-то теперь ни к чему. Можно продать, конечно, бешеных денег сейчас стоит – самый центр. А то взяли бы, а? Лёшке надо мастерскую, выставки можно делать. Подумай!

– Толь, спасибо. Но куда нам. Мы еще быстрее прогорим – Леший не по этой части, а мне некогда, дети совсем еще маленькие. А ты Юле отдай.

– Юле?..

– Вот ты зря так скептически. Я раньше тоже думала, что она цветочек нежный. А сейчас мы подружились, я ее лучше знаю. Толя, она цветочек стальной. Юля очень умная, сильная. Ее просто Аркадий довел до ручки. Сидела одна, как в клетке, нам никому не доверяла.

– А как она сейчас себя чувствует?

– Все хорошо, я слежу.

– Да и видно – расцвела. Значит, говоришь, стальной цветочек?..

И Анатолий задумался.

– Ты знаешь, Марин, вот я сейчас оглядываюсь, как жил, и мне страшно становится. Мы же с Валерией оба злые были, как волки. Я свою войну прошел, она – свою. Мы жизнь в клочья зубами рвали, так хотели подняться. Я удачливый очень, не знаю уж, сам по себе или Валерия меня так... настроила. Ко мне деньги сами текут. На бирже и вообще. Как царь Мидас – все в золото обращаю. А золото – оно мертвое. Так бы и загнулся среди золотых слитков, если бы не ты. Да, да, ты к нам жизнь принесла, ты и Леший. Как я удивился, когда тебя первый раз увидел. Помнишь?

– Конечно. Только не помню, чтобы ты особенно удивился.

– Еще как! Вхожу, смотрю: вы как в аквариуме, все рыбки пластмассовые, игрушечные, только одна живая – чешуей сверкает, хвостиком трепещет.

– Ой, выдумал!

– Чистая правда. Ты же знаешь, я Лешему всегда завидовал.

– Толь, ну чего тебя в эту сторону понесло? У тебя Фрося есть, все хорошо.

– Фрося! Фрося – мое счастье. Но без тебя, – Анатолий обнял Марину за плечо и поцеловал в висок, – без тебя и Фроси бы не было. Для Фроси ты тропинку протоптала.

– Вот Лёшка увидит, он тебе покажет тропинку.

– А то он не знает, как я тебя люблю. Представляешь, сейчас я так рад, что не переспал с тобой. Не было бы такой чистоты между нами.

– А раньше что? Жалел об этом?

– Ну а как же? Такая баба – и не попробовал. Хоть бы разок поцеловала, а?

– Толь, ты неисправим. Я Фросе пожалею. Вот будет у тебя юбилей – поцелую, если муж разрешит.

– Так был только что! Что ж ты?

– А ты не просил. Жди теперь следующего.

– Ну-у, мне тогда уже ничего не надо будет, никаких поцелуев.

– Это тебе-то?

Анатолий засмеялся, Марина за ним.

– А что это вы тут делаете, а? – В дверях стоял изумленный Леший. – Ты посмотри, пригреблись тут, в темноте, и хихикают.

– А мы, Лёш, о любви и дружбе рассуждаем. Возможна ли дружба между женщиной и женщиной, если они ни разу не переспали? Ты как думаешь, а? – серьезным тоном сказал Анатолий.

– Лёша, не слушай ты его, он шутит! – Марина пихнула Толю в бок, и он засмеялся. – Мы про Ваньку разговаривали. Толя считает, что он у нас будущий воротила бизнеса. Как этот... Кто там главный воротила, Толь?

– Вы мне зубы не заговаривайте, – сурово отрезал Леший. – Ты чего тут расселась с огурцами? Тебя Юлька уже сто лет ищет.

– Ой-ой-ой, как мы тебя забоялись. – Марина звонко чмокнула Лёшку в щеку, а он хотел было шлепнуть ее по задку, но Марина увернулась.

– Иди давай! Про дружбу они тут разговаривают. Знаю я вашу дружбу. А ты чего сидишь? Давай вали отсюда. Мне работать надо.

– Лёш, ну ты ж знаешь: я перед твоей женой просто преклоняюсь. – Анатолий поднялся, незаметно подмигнув Марине, которая махнула на него рукой и пошла к летней кухне, посмеиваясь.

– У тебя своя жена есть, вот перед ней и преклоняйся, – взвился Леший.

И вечером, когда спать ложились, Лёшка все ворчал:

– Ты подумай, сидят, разговаривают. Уединились. Это что такое? И часто вы так разговариваете? Пусть он со своей женщиной разговаривает.

– Лёш, хватит. Вот завелся. Иди уже, покажи мне наконец, чья я женщина.

Леший оглянулся – Марина, совершенно обнаженная, лежала, закинув руки за голову, и смеялась. Уже засыпая, Лёшка вспомнил:

– Так что там про Ваньку-то? Чем он ворочать будет?

– Бизнесом. Спи, балабон.

Так что судьба Ивана Злотникова определилась. Но что делать с «княгиней Марьей Алексвной», Марина так и не представляла. «Княгиня» упорно поступала поперек: если Марина просила надеть в лес длинные брюки, шла в шортах и тут же цепляла клеща. Она одна ухитрилась поймать пиявку в реке, а не кусали ее только самые ленивые пчелы. Марина устала считать все ее царапины и синяки, а ведь старшие дети приехали только в середине июня. За месяц Муся успела довести Марину просто до белого каления, но это были только цветочки.

Муся неслась по жизни сломя голову, лезла везде напролом, дерзила – но хороша была, как куколка, и прекрасно это знала. Она давно догнала по росту Марину, и от ее детской трогательной хрупкости не осталось и следа: очень складная, стройная, с заметной уже грудью, она так сверкала своими карими – отцовскими – глазами, так умела приподнять бровь, улыбнуться, что просто ослепляла, словно поверхность воды под яркими лучами солнца. Только у нее одной из всей семьи вились волосы – крупными кольцами, и бабушка Лариса, бывало, говорила, вздыхая: «Не иначе в прадеда пошла, в итальянца. И темперамент итальянский».

Митя, старший сын Юли, был с самого младенчества влюблен в Мусю, а та вертела им, как хотела, заставляя мальчишку страдать. Но неожиданно их роли переменялись – не без помощи Марины, которая много работала с Митей, внушая ему уверенность в собственных

силах. И не без помощи Стивена, но это оказалась помощь совсем иного рода. Когда старшие дети приехали в деревню, Марина внимательно пригляделась к своим влюбленным: Мите явно приходилось трудно, так вилась вокруг него Муся, так ластилась и заглядывала в глаза, норовя дотронуться, а то и прижаться. А жара стояла страшная, так что девчонка шеголяла полуголой – бедный, бедный Митя! Кроме Муси, соблазнявшей его с той же страстью, с какой прежде третировала, с ним заигрывала и Рита, тоже весьма настойчиво, так что Митя был вынужден грубо ее отшить:

– Что ты лезешь? Ты же знаешь: я с Мусей.

– Ну и что? Я согласна третьей быть. Ты не пробовал с двумя девочками? Тебе понравится.

Митя не выдержал и послал Риту куда подальше. Она только фыркнула: подумаешь! Муся прекрасно видела Ритино кокетство и старалась из всех сил, только что не дымилась. К счастью, им не так просто было уединиться: днем все на виду, а ночью... Мите было легче – он мог просто вылезти в окно, а Муся жила в светелке на втором этаже, ей там вообще-то нравилось, но спуститься оттуда потихоньку не было никакой возможности: деревянная лестница немилосердно скрипела. Но они находили возможность ускользнуть от внимания взрослых, постепенно разжигая тлеющий внутри огонь до настоящего пожара. А когда Митя, не в силах больше терпеть, попытался склонить Мусю к более изощренным действиям, вдруг выяснилось, что «княгиня Марья Алексевна» вовсе не так опытна, как хотела казаться.

– Ты что, никогда такого не делала?

– Конечно, нет! Ты что? Как ты мог подумать. Я же... ни с кем... ничего себе не позволяла, – Муся смотрела на Митю большими глазами, в которых закипали слезы: она вдруг осознала, что именно думал про нее Митя все это время. – Ты что, ты считал, что я... как Рита, что ли? Митя! Я не такая. Это что, так выглядело? Какой ужас. Я же просто... играла...

– Играла? Ничего себе игрушки!

– Митя, правда! Ну, я обнималась, да. Целовалась. Но не так! Так – только с тобой! Или ты что? Ты думал, со мной все можно, да? Что я... доступная? Ты поэтому со мной? А я-то думала... ты меня... люби-ишь.

И она заревела.

– Конечно, я тебя люблю, ну что ты.

Мите было жалко бедную заигравшуюся дурочку, но в то же время сам процесс утешения доставлял ему такое острое наслаждение, что скоро оба забыли о возможных последствиях – да и вообще обо всем. Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы не Марина. В этот вечер ей не спалось – Леший уехал в Москву, а она не любила оставаться одна. Да еще эта жара. Марина решила искупаться. Речка обмелела, но окунуться было можно. Возвращаясь обратно, она подумала, а не зайти ли к Юле: у той горел свет – тоже, видно, не спалось. Шла и «приглядывалась»: спит – не спит? И вдруг «увидела», да такое, что просто припустила бегом к сеновалу Семеныча – мальчишки там иногда ночевали, когда совсем изнывали от жары. Но сейчас там были не мальчишки. То есть один-то мальчишка имелся: Митя, а вторая – Муся! Марина вошла, нарочно громко стукнув дверцей. На сеновале настала такая глубокая тишина – можно было подумать, нет никого.

– Я знаю, что вы здесь. Муся, Митя! Ну-ка – быстро по домам. Кому я сказала?

Раздался приглушенный шепот, шуршание, и появился смущенный Митя – весь в соломе, потом Муся.

– Митя, не ожидала такого от тебя. Иди, а с Мусей мы поговорим.

Он вышел, но встал за дверь. Ишь, рыцарь!

– Митя, иди домой. Я тебя вижу.

Она проследила, как Митя поплелся к дому, и повернулась к дочери. Та совсем не выглядела смущенной.

- Муся! У тебя есть голова на плечах, а? Ты что делаешь?
- А что такого?
- Чем вы тут занимались?
- Ну, ма-ам, подумалась, целовались!
- Не только целовались, Марина прекрасно это «видела».
- Не ври мне! Ты что, не понимаешь, к чему это все может привести? Ты забеременеть хочешь в шестнадцать лет?
- И что, ты меня тогда из дому выгонишь, да? Как в прежнее время было?
- Не выгоню! Но если ты стремишься ребенка родить мне назло – флаг тебе в руки!
- Вперед! – И Марина, кипя от ярости, повернулась к выходу.
- Ну, мам, прости. Я не знаю, что со мной делается.
- Что с тобой делается? Переходный возраст слишком затянулся, вот что делается! Ты что всем нам хочешь доказать, что ты взрослая? Так веди себя как взрослая. Ты думаешь: «Ах, мне в детстве мороженое запрещали – вот вырасту, каждый день буду есть!» – так, что ли? Взрослый человек отвечает за свои слова и поступки! Ты это понимаешь?
- Да-а, а чего ты тогда меня ругаешь, а Митю отпустила? Я что, одна виновата?
- У Мити своя мать есть, еще поругает. А ты на Митю не сваливай. Он мальчик благо-разумный и тебя на самом деле любит.
- А я что? И я его люблю!
- Я не уверена. Пока ты себя только любишь. У тебя ветер в голове. Это ж надо, понесло их на сеновал!
- Мам, ну что такого-то? Поцеловались немножко.
- Вы не только целовались! Муся, ты что, в самом деле не понимаешь? Если ты Митю заведешь, он не устоит, а потом раскаиваться будет. Есть моменты, когда мужчина просто не может сдержаться. А у вас сейчас гормоны бушуют. О чем ты думала? Ты знаешь, как предохраняться?
- Ну, ма-ам! Что ты, в самом деле. Необязательно же сразу... прямо так, чтобы предохраняться! Есть разные способы...
- Она мне будет рассказывать про разные способы! Я лучше тебя знаю. Слава богу, чуть не двадцать лет замужем! А вот откуда ты знаешь про разные способы? Я в твоём возрасте только книжками интересовалась, а не разными способами!
- Мам, ну что ты так сердисься. Сейчас время другое. Раньше вы книжки читали, а мы теперь...
- Что вы теперь? По сеновалам трахаетесь?
- Мама! – закричала Муся. – Как ты можешь так про меня говорить?
- А как мне говорить? Чем ты тут занималась? Именно этим. Если б я не пришла...
- Муся заплакала навзрыд:
- Ты совсем меня не любишь, если так говоришь.
- Ну вот, здарсьте. Приехали. Я виновата. Ой, горе... – Марина обняла и поцеловала всхлипывающую Мусю. – Как же я тебя не люблю, что ты! Я же о тебе беспокоюсь! Ну? Кто моя любимая маленькая девочка? Обидели маленькую де-евочку. Отняли конфе-етку... А сладенького хо-очется...
- Муся не выдержала и рассмеялась:
- Мам, ладно тебе. Я поняла. Я постараюсь.
- Вот и постарайся. Муся, я же все понимаю: я сама женщина... темпераментная. И папа у нас – огонь. Так что ты уж просто гремучая смесь получилась. Научись себя контролировать, я серьезно говорю. Ты ведь как привыкла: что захотела – тут же и получила. А всему свое время и место. Не торопись, у тебя вся жизнь впереди. Тебе шестнадцать лет.
- С половиной!

– Ну конечно, это все решает. Муся, если ты не хочешь, чтобы я глаз с тебя не спускала, тогда веди себя прилично. Как я могу тебе доверять, а? Да ты с твоим везеньем тут же забеременеешь – от одних поцелуев.

– Так не бывает!

– Не бывает. Все-то она знает... Скажи спасибо, отца нет, а то бы я под горячую руку ему пожаловалась. Вот он бы порадовался, что его ненаглядная дочка в сене обжимается. Пожалуй, и выпорол бы.

– Не говори папе, пожалуйста, не говори! Мамочка! Пожалуйста! Я больше не буду, честное слово! Только папе не говори!

– Да будешь, будешь! Разве тебя что удержит? Только я прошу – береги себя. Применяй лучше... разные способы. Головой-то думай! Или что? У тебя теперь не голова, а другое место думает?

– Ну мам! Ты вообще! Такие вещи говоришь, ужас просто!

Марина так и не рассказала Лёшке, но с Юлей поговорила сразу после сеновала – та только ахнула:

– Ты подумай! Сеновал – просто классика. А ты им всю романтику поломала.

– Юль, я тебя умоляю, какая романтика. Это твой мальчик романтичный, а моя засранка только что из кожи не выпрыгивает, как у нее горит. Я боюсь, как бы нам с тобой скоропостижно бабушками не стать.

– Ладно, я поговорю с Митей. Только ему против твоей красотки долго не продержаться.

– Да я понимаю, что мы их не удержим. Если связать только. Так пусть бы предохранялись, что ли. Митя-то хоть знает, что и как? Может, Анатолий с ним поговорил бы? А то Лёшка не сможет, он стесняется.

– Ну да, Анатолий поговорит, как же. Он такого ему нараскажет! Я сама, ничего. Я могу. Потом, ты знаешь, я подозреваю, что они больше нас с тобой знают. Как твоя-то: разные способы!

– И не говори. Я в ее возрасте вообще ни о каком способе представления не имела.

Марина думала, что Митя будет теперь обходить ее за версту, но на следующее утро он сам к ней подошел – Марина в тенечке чистила картошку к обеду.

Он взял второй нож, сел рядом и стал аккуратнo срезать кожуру. Молодец, умеет, подумала Марина.

– Тетя Марина, я хотел попросить у вас прощения... за вчерашнее.

– Мама с тобой поговорила?

– Мама? Да, но я и сам хотел, еще вчера. Это я во всем виноват. Да еще сбежал, как последний трус.

– Ты не сбежал, это я тебя выставила. И не рассказывай мне, что ты виноват, – все равно не поверю.

– Нет, правда! Это я ее к сеновалу привел. Так просто: посидеть, поговорить. Вы же знаете, я к Мусе очень серьезно отношусь. А оно как-то... само... получилось.

– Милый мой, оно всегда только так и получается. Само собой. А потом расхлебывать. Ты помнишь, что Мусе только шестнадцать?

– Да помню. Я понимаю, что нам еще рано...

– Физически-то ей, может, и все восемнадцать, но душа – недоросла. Двенадцать, не больше. А ты взрослый. Не иди ты у нее на поводу, я тебя умоляю. Подождите хоть до ее настоящих восемнадцати. Ты же знаешь, что я могла бы насильно вас развести, но мне не хочется этого делать: вы не марионетки, да и смешно вас от жизни прятать под крылом. А чем больше запрещать вам, тем больше будет хотеться. Поэтому я ничего не говорю, думайте сами. Как будет, так будет. Я все приму, и Юля тоже. Алексей, конечно... ему будет трудней.

– Я постараюсь...

– Митя, я понимаю, как тебе трудно. Я тебя очень люблю, и всегда была на твоей стороне, ты знаешь. Да любая мать будет счастлива, что ее дочь любит такой мужчина, как ты.

Митя страшно покраснел и смутился, но Марина видела – ему приятно. Он очень возмужал за последнее время, накачал мускулы и еще вырос, почти догнав Анатолия. Не такой красивый, как Ванька, Митя выглядел очень мужественно и привлекательно, так что Марина понимала, почему дочку так разобрано.

– Я ведь из-за тебя тоже беспокоюсь, понимаешь?

Марина протянула руку и погладила Митю по голове, потом положила ладонь ему на лоб и слегка «причесала» его.

– Ну, иди! Все уже, картошка кончилась, спасибо! Ты мне хорошо помог.

– Это вы мне помогли. Спасибо, что говорили со мной... как со взрослым.

– Ты взрослый и есть.

Мите еще попало и от матери, которая разговаривала с ним гораздо жестче, чем Марина.

– Мам, да я все понял.

– Надеюсь. А если не уверен, лучше уезжай в Москву. Я смотрю, вам тут заняться нечем, слоняетесь без толку, один секс в голове. Помог бы дяде Толе или Алексею. Или Семенычу. Работы в деревне полно. Поливать вон надо! А Мусю с Ритой тоже надо к делу подключить, а то ходят, телесами сверкают, дурью маются.

И Юля железной рукой направила обеих девчонок на кухню и заставила приодеться, как они ни ныли, что жа-арко. Митя тоже сделал соответствующие выводы: старался поменьше уединяться с Мусей, и они снова приняли в компанию Ваньку, который в последнее время слонялся одинокий и потерянный. Через день после сеновала приехал Лёшка – с его помощью мальчишки затеялись строить домик на дереве, так что занятие нашлось. А Муся при отце вела себя уж так примерно, что Марина только головой качала, и, чтобы дочь не расслаблялась, время от времени напоминала ей, с серьезным видом вставляя в какой-нибудь невинный разговор о варенье или о погоде фразу: «А вот есть разные способы!» Муся краснела и бросала на мать яростные взоры, испуганно оглядываясь на отца.

А потом произошло такое событие, которое затмило собой все волнения и переживания, связанные с разгоревшимся между Мусей и Митей пожаром. Ни Марина, ни Алексей, сидевшие на крыльце в этот невыносимо жаркий августовский полдень, не могли даже подозревать, что готовит им будущее, вестником которого был большой черный джип Анатолия, показавшийся наконец из лесу.

– Да Толя не один, – сказала с удивлением Марина.

– Кто с ним?

– Это Аркаша.

– Аркаша? Что это его принесло?

Никто из них не видел Аркашу с тех самых пор, как Марина выставила его из Юлиного дома и из Юлиной жизни. Машины подъехали, затормозили. Выскочила из дома Фрося и кинулась Анатолию на шею, постепенно подтянулись и прочие обитатели «колхоза». Митя, увидев отца, резко остановился и ушел к матери на крыльцо, а Илюша, которого невозможно было уложить спать днем, как прочую мелкоту, побежал к машинам: «Папа приехал!» Юля с Митей ушли в дом.

– Фрось, ты давай нам поешь сообрази. И квасу, квасу не забудь. – Анатолий шлепнул ее по задку, туго обтянутому короткими шортами, а увидев, что Марина смеется, подмигнул ей. – Лёш, подойди-ка, поможешь.

Марина с крыльца смотрела, как трое мужчин стоят за машинами и тихо разговаривают о чем-то очень серьезно, и тревога подступила к самому сердцу. Они разговаривали довольно долго, а потом все трое посмотрели на нее. Марина подошла.

– Что, все плохо?

– Да, не слишком хорошо.

– Подожди, я сама посмотрю...

Марина положила руки на плечи Анатолию и «вгляделась»: черный джип мчался на страшной скорости по дороге, окруженной горящим лесом – дым, пламя, падающие деревья...

– Совсем уже близко! – сказала она с ужасом.

– Да, рядом. Ивановское сгорело, все, целиком! Двое погибли, говорят. МЧС не успевает тушить. Да вы же новости слушаете!

– Что ж делать-то? Уезжать?

– Срочно уезжать! – неожиданно высоким голосом произнес вдруг Аркадий, и все на него посмотрели. – Срочно!

Марина взглянула на Анатолия, на Лешего – они колебались.

– Не знаю, – Лёшка почесал затылок. – Просто не знаю! Ладно, мы уедем, а местные? С собой забирать?

– Местные пусть сами думают. – Аркаша нервничал, но на него никто уже не обращал особого внимания.

– И что? Бросить тут все? – Леший огляделся по сторонам, Марина с Анатолием тоже посмотрели. – Столько труда, столько сил. Терем жалко! Вдруг сгорит красота такая.

– Да все жалко! – согласился Анатолий. – Я вот тоже думаю: может... того? Попробовать устоять, а? Все-таки у нас положение хорошее – до леса далеко, река рядом, пусть мелкая, воды у нас много. В крайнем случае уйдем за реку. Детей вывезти! И женщины уедут. А мы...

Леший молчал, и Марина знала, о чем он думает.

– Если вы останетесь, я тоже. Вы же понимаете – я вам нужна.

Алексей выдохнул:

– А, твою мать! Тогда все уезжаем. Или что? Попробовать?

– Что тут пробовать! – закричал Аркаша. – Надо немедленно всем уезжать!

Марина видела, что его просто трясет от страха. Леший посмотрел на Аркашу, потом – со страданием в лице – на Марину, она не дрогнула.

– Ну, хорошо, остаемся. Только все дети уедут, – сказал он, резко повернулся и ушел в дом.

– Марин? – Анатолий, нахмутив брови, кивнул в сторону уходящего Лёшки.

– Ничего, Толь, все нормально. Ты сам-то что решил?

– Да что я могу решить! Один же я не останусь.

– Ты думаешь, шансы есть у нас?

– Мне кажется, есть. Народу, конечно, маловато! Нас трое, Семеныч... Парням бы хорошо остаться. Но это вам решать. Лес мы, конечно, не спасем, но деревню – можем.

Парни – Ванька с Митей – стояли чуть вдалеке и с тревогой смотрели на взрослых. Марина взглянула на них, как впервые – один выше другого, крепкие, плечистые...

– Марин, да я все понимаю. На месте Лёшки я бы тоже переживал. Я Фроську не оставлю, пусть хоть застрелится. Была б ты моя жена! Но ты не моя.

– Это точно, – подтвердила Марина, и они переглянулись, усмехнувшись.

Все давным-давно было решено между ними, и Анатолий без ума любил свою Фросю, а Марину искренне называл сестрой, да и Марина не променяла бы ни на кого своего Лёшку, но все равно в воздухе между ними всегда что-то витало: неосуществленные намерения, несбывшиеся желания, тайные мечты. Словно где-то в ином, неведомом параллельном мире, где карты легли по-другому, Анатолий и Марина были вместе...

– Но и ты ведь не Фрося. Ты особенная. Так что решайте.

– Но ты сам остался бы?

– Да! Марин, ты только не думай, что я из-за барахла этого. Вложено сюда немало, ну и черт бы с ним! У меня бабла до хрена, запросто можно все заново отстроить. Терем Лёшкин

только вряд ли. Понимаешь, это как... как война. Враг наступает – а мы что, бежим? Я ж воевал, ты знаешь. Я только ругаю себя, что не догадался кого-нибудь из Москвы нам в помощь привезти. А местных теперь не найдешь – все сами спасаются. Не думал, если честно, что тут так быстро все завертится. Вот дурак! Да что теперь делать...

– Ладно, идите поешьте. А я с Лешим поговорю.

Леший лежал на диване лицом к стене. Марина легла рядом и обняла его. Они долго молчали: каждый знал мысли другого. Потом Леший вздохнул и повернулся к ней. Глядя в глаза друг другу, они разговаривали без слов. Марина погладила его по щеке, потом взяла и поцеловала несколько раз Лёшкину руку, а он сильно прижал ее к себе, потом отпустил.

– Лёш, если ты скажешь – я уеду.

– Уедешь?

– Да. Ты мой муж, ты решаешь. Если тебе будет легче, я уеду.

– А тебе?

– Ты знаешь.

– Марин, ты же понимаешь... Эта деревня... Я тут счастлив. А дом – это ж не просто бревна! Он... сердце деревни!

– Лёшечка, я все понимаю. Если дом пропадет, ты всю жизнь потом будешь казнить себя!

– А если с тобой что случится, я вообще жить не смогу.

– Лёша, а если с тобой? Без меня? И я буду знать, что могла бы спасти! А меня рядом не было!

– Хорошо, хорошо. Ладно. Только я тебя умоляю – береги себя.

– Перестань, Лёша, перестань. Со мной ничего не случится.

– Что ж, придется и это пережить. Марин, а ты не видишь? Что там, впереди?

– Не вижу. Будущего пока нет – мы же ничего не решили.

– Я решил.

– Спасибо. Но знаешь, Лёш, это еще не самое страшное. Старшие дети... Они тоже... захотят остаться. Ваня, Митя.

– Нет. За Митю Юля отвечает, а Ванька... Нет.

– Это будет трудно. Подумай сам: Ваньке четырнадцать, он здоровый парень. Ты вспомни себя. Разве ты в его возрасте не рвался бы в бой, а? Ты думаешь, я сама за Ваньку не боюсь? Еще как! Но лишние руки не помешают, а то сколько нас – трое! И Семеныч, если не струсит. Да и вы с Толей не мальчики – ему вон шестьдесят уже, тебе полтинник.

– А, провались оно все! Но чтоб ты с Ваньки глаз не спускала!

– Лёш, муха не сядет!

– Муха! Господи! Смерти вы моей хотите! Нет, уезжаем все. К черту!

Но Марина видела, что он действительно решил.

– А Муська – чтобы уехала! И без разговоров.

Муся! Боже! Марина про нее и не подумала, а ведь девчонка тоже захочет остаться. Будут разговоры, да еще какие, «видела» Марина, но промолчала. Может, еще обойдется? Раздался звучный удар гонга – всех созывали на собрание. Марина с Лёшкой было пошли, но в дверях Марина его задержала и всерьез поцеловала – для бодрости духа.

– Иди, поцелуйщица. Веревки из меня вьешь...

Марина знала, что, приняв решение, он больше не будет думать об этом, а просто начнет действовать: надо это пережить – переживем. Лёшка действительно был здесь счастлив и мечтал, уйдя от дел, поселиться насовсем в этой деревне посреди соснового бора. Он разговаривал с домом, как с живым существом, а дом, кряхтя и поскрипывая, отвечал ему.

– А ты домового-то приманил? – посмеиваясь, спросила у него Марина, приехав весной с младшими детьми.

– А как?

И в тот же день, когда впервые обедали в тереме, Марина взяла первый отрезанный ломоть хлеба и закопала в правом углу под домом: «Батюшка-домовой, приходи к нам домой!» Всю ночь что-то шуршало в разных углах – «Домовой место выбирает!» – шептала Лёшке Марина, а утром они нашли на столе старинную серебряную монету, неизвестно откуда взявшуюся. Марина и сама чувствовала себя здесь так вольно и спокойно, как никогда в городе. И вот теперь – что же, бежать, как говорил Анатолий?

За столом сидел уже весь «колхоз», кроме Скороговорки, присматривающей за младшими детьми. Марина видела, что Анатолий приуныл и заколебался – уж больно хлипко выглядела их армия, если вычесть женщин и детей.

– Ну что, граждане-товарищи! Положение у нас серьезное, про пожары вы всё знаете, новости слушаете. Горит уже совсем близко от нас. Помощи особенной нам ждать неоткуда. Так что предложение такое: срочно собраться и уехать. Всем.

Леший покосился на Анатолия. После недолгого молчания Семеныч сказал:

– Ты, Анатолий, не нагнетай. А то прям запугал. Срочно, быстро. Это ж подумать надо.

– Семеныч, некогда думать!

– Некогда! Ну, допустим, я к племяннику могу поехать, в Кострому. А хозяйство? Куры, козы. Поросянок. Их-то куда девать, а?

– Мне некуда ехать, – робко произнесла перепуганная Иллария, но Анатолий махнул на нее рукой:

– Мы вас с собой возьмем.

– А бабка Марфа? С ней что будешь делать? Тоже с собой возьмешь?

Про Марфу все забыли.

– Нет, Анатолий, я не согласен уезжать. – Семеныч разволновался. – Что такое? Сколько раз пожары были, и ничего. Стоит деревня!

– Ты, друг мой Семен Семеныч, такого пожара в жизни еще не видывал. Не хочу вас пугать, но...

– Да ты посмотри! Дома от леса далеко, трактор есть у нас, опашем – никакой огонь не пройдет!

– А верховой? Семеныч, мы ехали, видели. Там такой ветер поднимается.

– Так смотреть будем, чтобы на крыши не перекинулся. Вода-то есть у нас. Напор такой, что вертолет собьет. Нет, вы как хотите, а я... Я бы остался.

Анатолий с Лёшкой переглянулись.

– Ну ладно. Мы с Алексеем тоже вообще-то думали остаться. И Марина.

– Марина Сергевна. – Семеныч даже привстал и поклонился ей: он Марину чрезвычайно уважал и слегка побаивался, после того, как она в две минуты вытащила его из недельного запоя. – Ну, ежели и Марина Сергевна. Она одна пятерых мужиков стоит.

– Если Марина остается, то я тоже, – Юля сказала это так твердо, что никто не посмел ей возразить, только Аркаша открыл было рот, да так и закрыл, не сказав ни слова.

– Если мама остается, то я тоже, – Митя так точно повторил материнскую интонацию, что Юля улыбнулась.

– Ну вот, нас уже шестеро.

Рита испуганно смотрела на всех по очереди, Иллария задумалась, а Фрося робко подергала Анатолия за рукав.

– А ты даже не затевайся! – Он с тоской посмотрел в ее глаза, быстро наполняющиеся слезами, и погрозил пальцем: – Ты уедешь с Савушкой, и не спорь.

Он обнял Фросю, а она уткнулась ему в грудь и заплакала. Анатолий горько вздохнул:

– Значит, так. Уезжают Фрося с Савиком, Рита с малышом, Илюша, Святая, Ксения Викентьевна и...

– Я остаюсь, – сказала Иллария Кирилловна. – Я подумала, и остаюсь. Вам будет помощь нужна, я пригожусь.

– Ага. И Ксения Викентьевна. Значит, четверо маленьких и трое взрослых. Да, а ваши, Марина? Ваши старшие?

– Да, а мы?! Папа? Мама? Как же мы? Мы не поедem! Мы тоже хотим остаться! – вразнобой закричали Муся с Ваней, которые все это время сидели затаив дыхание, а Леший нахмурился:

– Иван, ты останешься. Но слушаться взрослых.

– А я? – Муся даже встала.

– Ты – нет.

– Папа! Мама! Это нечестно! Почему Ваньке можно, а мне нельзя? Он младше меня.

– Ваня – мужчина, – мягко сказала ей Марина. – Ты – женщина. Девочка.

– Какой он мужчина? Он... он мальчишка! Отстань! – Муся оттолкнула Ваньку, который дергал ее за руку.

– Муся, послушай! Муся! – Митя тоже попытался привести Мусю в чувство, но она не слушала никого и ничего.

– Папа! Папа, ты должен мне разрешить!

– Нет.

– Папа! – Муся закричала. – Если ты мне не разрешишь, я... Я до конца дней тебя не прощу! Я... разговаривать с тобой никогда больше не буду!

– Муся, опомнись.

Марина увидела, как больно ударили Лешего слова дочери – он побледнел и закрыл на секунду глаза. Все замерли, не зная, что делать.

– Если даже папа разрешит, то я – не разрешаю. – Марина произнесла это таким голосом, что в другое время Мусю бы проняло, но не сейчас.

– Нет. Она уедет с Совятами. – Отец и дочь напряженно смотрели друг на друга одинаковыми черными глазами. Муся не знала, что делать – впервые отец не уступал ей.

– Ненавижу тебя! – крикнула она и вылезла из-за стола, явно собираясь сбежать.

– Муся, вернись немедленно! – Марина тоже поднялась, но тут вмешалась Рита.

– Как ты можешь такое говорить, дрянь! Как ты смеешь папе перечить!

Муся вспыхнула и, обернувшись, зло взглянула на Риту:

– А ты вообще кто такая, чтобы мне замечания делать? Какой он тебе папа?

Рита ахнула и заплакала, все закричали что-то, а Муся помчалась в сторону леса, Митя рванул было за ней, но Юлия его не пустила: не встревай.

– Она не поедет, – сказала Марина, с состраданием глядя на Лешего. – Я знаю, куда она побежала, но мы ее оттуда целый день будем доставать, а тащить придется силой. Время потеряем. Вам ехать надо прямо сейчас. Ветер меняется. У нас всего пара дней, чтобы подготовиться.

– А ты не можешь заставить ее по-своему? – спросила Юлия.

– Могу, но мне тогда придется с нею уезжать. Я не умею на расстоянии держать, а что она выкинет, когда опомнится, мне даже представить страшно.

– Может, мне с ней поговорить? – спросил Митя и покраснел.

– Не поможет.

– Ну ладно, ехать так ехать, – мрачно сказал Анатолий, подумав, что эта Лёшкина Муся будет почище его собственной Киры. И вот ты подумай: Кирку любили мало, эта же вся залюбленная и забалованная, а результат – один. Черт знает, что такое! Как этих детей воспитывать? Но раздумывать особенно было некогда.

– Лёш, тебе придется с нами поехать, потому что Аркаша дальше этот колхоз повезет. Я думаю, влезем в две машины. Берите с собой только самое необходимое, все купите там,

я Фросе карту дам. А мы с тобой еще кое-что закупим и вернемся. Поедем мы до железки, посадим всех в поезд на Питер...

– Почему в Петербург? – удивилась Марина.

– Марин, в Москве – ад, а в Питере жить можно. Я договорился, в Петергофе поселятся, там Финский залив, вообще хорошо. Давайте, собирайте детей. Так, что еще? Черт, мы же машину так и не разгрузили. Ребята, пошли, поможете.

Все разошлись в разные стороны, стараясь не смотреть на Лешего, который сидел с закрытыми глазами. Марина подошла, обняла его сзади, помассировала ему грудь, плечи и спину, поводила пальцами по голове – постепенно он отошел и вздохнул.

– Пойдем со мной!

– Надо... надо ехать.

– Время есть, пойдем.

Юля смотрела на нее просительным взглядом, и Марина кивнула ей на ходу:

– Юлечка, я поработаю с Илюшей. Сейчас, подожди немножко, ладно?

Юля кивнула. Илюша всегда очень тяжело переносил разлуку с матерью, пугался и нервничал, но Марина умела его «настроить». К Юле подошел бледный и потерянный Аркаша, совершенно непохожий на себя:

– Юля! Вы должны уехать, вы все. Я за вами и приехал. Юля, пожалуйста, умоляю тебя!

– Нам уже места не хватит в машине, – сказала Юля, с холодным интересом рассматривая Аркашу.

– Я останусь! Потом уеду!

Митя встал перед матерью, заслонив ее от отца. Они некоторое время смотрели друг на друга, такие похожие – и такие разные! Одного роста и склада, оба рыжие, носатые и слегка лопоухие, только у Аркаши глаза карие, а у Мити – медовые, цвета темного золота.

– Пойдем, мам! О чем нам с ним разговаривать? – Митя увел Юлю, обняв ее за плечи, а Аркаша с отчаяньем смотрел им вслед. Юля вдруг остановилась и оглянулась на Аркашу, сузив глаза:

– Подожди-ка, Митя! Я сейчас!

Она пошла обратно мимо Аркадия, решившего было, что она передумала, и обратилась к Анатолию, который что-то налаживал в кабине:

– Анатолий Владимирович, я могу вам доверять? Вам и Аркадию? Он не заберет ребенка? Илюшу?

Анатолий медленно выпрямился и тяжело взглянул на Юлю:

– Не любишь ты меня. А я – на твоей стороне. Не бойся, не заберет. Ему не жить тогда, он знает.

– Спасибо.

– Пожалуйста, – Анатолий усмехнулся и опять полез в кабину.

Марина привела Лешего в дом и уложила на диван. Она чувствовала: в нем что-то разладилось, даже видела, где именно. Попыталась поправить, вернув нарушенную гармонию и цельность, и сосредоточилась, не сразу заметив, что по щекам у Лешего текли слезы.

– Кого мы вырастили, а? – горько сказал он. – Это я виноват, избаловал.

– Лёшечка, не надо. Не надо, милый. Что делать, мы оба виноваты. Придется и это пережить. Я клянусь тебе, я следить за ней буду – волос не упадет.

– Марина! – И он не смог сдержать рыдания.

Она обняла Лешего, словно крылами: и телом обняла, и душой, и сердцем. Обняла – и всю силу, всю любовь выплеснула в него, успокаивая нервы, расслабляя мускулы, прогоняя тоску, умирняя боль, вселяя мужество, пытаясь залечить ту рану, что нанесла ему любимая дочь. Марина строила Лёшке защиту из собственной любви, нежности и страсти, и когда закончила, сил у нее почти не осталось.

Наконец все вещи уложили и всех разместили, Марина на последнем дыхании разобралась с Илюшей и наспех поцеловала Совят, у которых горели глаза в предвкушении приключений: они оба обожали машины и радовались этой неожиданной поездке, да еще с папой! Джипы уехали, и стало непривычно тихо.

– Ну что, пацаны, – сказал Семеныч, – пошли, что ли, трактор с плугом наладим. Чего ждать-то, работать надо.

– Марина, а как вы думаете, – начала было Иллария, но Марина ее перебила:

– Простите меня, мне надо... отдохнуть. Немножко. Вы пока... без меня.

И она, пошатнувшись, поплелась к дому, а Юля с Илларией с тревогой посмотрели ей вслед и переглянулись. Марина с трудом добрела до дома, долго взбиралась на крыльцо и упала сразу за дверь. Так плохо не бывало еще никогда. Она ощущала себя совершенно пустой, и в эту пустоту уже начинал просачиваться черными вязкими каплями страх – безумный страх за Лёшку. То, что Марина увидела сегодня у Лешего, пугало ее, хотя она пыталась уговорить себя: я же поправила это, поправила! Не помогало. Омут оживал в ее душе и грозил затянуть на дно. Мысль о том, что Леший вдруг может... умереть! – эта мысль сводила ее с ума, потому что она не могла понять: это ее собственный навязчивый страх или предвидение? А вдруг она этими мыслями и правда притянет беду?

На Марину сыпались все новые и новые ужасы – про детей, про Юлю, Анатолия, про всех! «Зачем, зачем, – терзалась она, – зачем я не настояла, чтобы мы уехали? Надо было заставить их силой! А теперь... Это я буду виновата, если что-нибудь случится, я! И с Мусей тоже я виновата. Давно надо было заняться девочкой...» Марина так боялась повторить ошибки собственной властной и суровой матери, опомнившейся слишком поздно, что ударилась в другую крайность, и сейчас это хорошо понимала, хотя всю жизнь ей казалось, что она тоже излишне сдержанна с детьми – особенно на фоне сентиментального Лёшки, который моментально рассиропливался, стоило только Мусе улыбнуться. К тому же, как ни горько было это признавать, Марина узнавала в Мусе собственные черты: упрямство, эгоизм, женскую стержовность – все это когда-то бушевало и в ней самой, а чувственность... Да что говорить, она до сих пор млела от одного Лёшкиного прикосновения!

Страх разъедал ей душу и мешал восстановиться, а времени не оставалось совсем. Марина забыла все, что она должна и могла сделать с собой, и просто пропадала – замерзала насмерть посреди сумасшедшей жары. Еще немного, она вся превратится в лед и рассыплется на тысячи осколков!

Марина подтянула колени к груди, обхватила себя руками и замерла, пытаясь удержаться на кружащемся и качающемся, словно палуба корабля в жесточайший шторм, деревянном полу.

– Марин? Марина! Ты где? О господи!

Юля подбежала к ней и села рядом, тормоза. Сначала она даже отдернула руку, обжегшись о лед Маринино тела.

– Марина, ты жива? Боже, какая холодная! Что с тобой? Помочь тебе? Давай встанем, а?

– Я... не смогу... надо согреться.

– Сейчас!

Юля принесла какие-то одеяла, накрыла Марину, потом сама прижалась к ней, невольно вздрогнув от холода.

– Чем, чем тебе помочь?

– Ты уже... помогаешь.

И действительно, Юля помогала: от нее шло ровное мягкое тепло, прогонявшее Марины страхи.

– Я... так боюсь... – прошептала Марина.

– Мне тоже страшно. Это нормально. Странно было бы, если б мы не боялись.

– Я за Лешу... боюсь. Если вдруг... что... с ним. Я не переживу.

– Переживешь, – неожиданно жестко сказала Юля. – Переживешь. Куда ты денешься. У тебя дети.

– А если с детьми что? Как тогда жить? – И Марина вдруг завывала в голос – на одной ноте, тоскливо. Юля не утешала ее, просто сидела рядом. Потом вздохнула:

– Ты знаешь, я много думала в последнее время. Было о чем – ты знаешь. И я одну вещь поняла: каждый имеет право на смерть. Даже наши дети. Не в том смысле, что может сам руки на себя наложить, нет. Просто мы в смерти – не властны. У каждого свой срок. И когда он придет... А пока живем, надо жить. Ты вот меня от смерти спасла, спасибо тебе. Не мое время было. Если сумеешь, и Лёшку спасешь, и детей. Значит, еще им не время. Детей страшно терять. Но мы их не для себя рожаем, понимаешь? Для мира, для их собственной жизни. Не для себя. Надо отпускать когда-то. Надо. А уж что будет... Марин, ты не вини себя. Это я про Мусю. Ты сделала что могла. Теперь она сама должна справляться.

– Мне все кажется, мало сделала...

Марина села. Голова уже почти не кружилась, и тело слегка согрелось. Она обняла Юлю:

– Спасибо тебе.

Юля кивнула:

– Не за что. Всегда зови, как замерзнешь.

– Юль, почему? Почему мы с тобой раньше не дружили? Ведь всю жизнь рядом.

– Не знаю. Может, потому что Валерия тебя забрала себе? Целиком?

– Скажешь тоже...

– Ну что, встанешь?

Марина встала – ее слегка шатало, но с этим уже можно было справиться.

– Я пойду к реке спущусь, полежу там на траве. Надо сил набраться.

– Пойти с тобой?

– Нет, спасибо, родная. Теперь я справлюсь.

Марина легла навзничь на землю – трава вся высохла и пахла сеном. Небо затянуло беле-сой дымкой, солнце казалось воспаленным красным глазом, грозно смотрящим сверху. Жара чуть спа-Ела, но духота, настоящая на дыме и гари, давила на грудь. Марина закрыла глаза. Теплый бок земли покачивался под ней, как будто баюкал. Снизу, из глубины, шло ровное сильное тепло, которое пронизывало все тело Марины, наполняя его силой и энергией. Марине казалось, что она сама стала травой и пустила корни. Зияющая пустота в душе наполнялась светом и любовью, и зарастала черная трещина в сердце, разбитом злыми словами дочери. Марина знала: Муся кричала это все в запальчивости, сама себя не слыша, но легче от этого не было. И она боялась, что Леший так и не сможет простить дочь.

Марина слегка задремала, и ей привиделось, что она – такая маленькая! – лежит в огром-ной ладони земли, согнутой ковшиком. Ладонь проросла травами и корешками, а на пригорке у основания большого пальца даже цвели какие-то ромашки и васильки. Посмотрев вверх, она увидела вторую руку, прикрывавшую ее сверху: голубая ладонь неба с редкими белыми облачками и пробивающимися сквозь сомкнутые пальцы лучами солнца. Ее насквозь прон-зило этими лучами, которые были – счастье! «Надо Лёшке рассказать, – подумала она, просы-паясь. – Только он такое написать может». И услышала звук моторов возвращавшихся джипов.

Муся тоже слышала этот звук. Все это время она просидела в домике, устроенном маль-чишками на разлапистой сосне, росшей на опушке неподалеку от дома. Сначала она всласть порыдала, прислушиваясь, не прибежал ли кто за ней – она надеялась на Митю. Но Митя не пришел, и тогда она заплакала уже по-другому, ужасаясь тому, что наделала. Ей уже даже хоте-лось, чтобы ее нашел отец – пусть бы поругал, она бы покаялась, и все! А как самой выхо-дить из этой ситуации, она не понимала. Но отец тоже не пришел. В пожар Муся не очень верила: а, эти взрослые! Вечно пугают всякими ужасами и перестраховываются! Она слышала,

как уехали машины, и еще поплакала, жалея себя: ее почему-то совсем не радовало, что она сумела настоять на своем. Потом она заснула, а когда проснулась, настали странные сумерки, наполненные призрачным ржаво-розовым светом. Муся не знала, что делать, и решила было остаться на ночь в домике. Но ей ужасно хотелось есть, да и в лесу везде что-то шуршало, скрипело и потрескивало, так что Муся, вспомнив надвигающийся пожар, в который вдруг сразу поверила, быстренько слезла по веревочной лестнице и понеслась в сторону деревни, не разбирая дороги – внизу под деревьями было уже совсем темно. Она обошла деревню по кругу – где-то тархтел трактор, кто-то суетился около машин, еще что-то происходило недалеко от дома Семеныча, и Муся пошла туда: а вдруг там Митя? Но Митя как раз и работал на тракторе, а здесь копошились Семеныч с Ванькой – они забрасывали землей развалины старого сарая, стоявшего слишком близко к лесу.

– Ты смотри, кто к нам пришел! Никак помочь хочешь? – довольно язвительно сказал Семеныч и сплунул, а Ванька посмотрел на Мусю исподлобья:

– Вали отсюда! Так бы и врезал тебе, дура!

Муся фыркнула и пошла от них. Семеныч проворчал ей в спину:

– Да-а, выпороть не помешало бы.

Муся вдруг осознала, что разбираться ей придется не только со своими родителями, но и со всей деревней – все слышали ее истерические вопли: и Семеныч, и Иллария, и дядя Толя. Анатолия она, как и все, побаивалась. Потом Муся вспомнила про Риту, и ей совсем стало плохо. Они с Ритой всегда немножко... не то чтобы враждовали, нет. Всегда не могли поделить между собой отцовскую любовь и ревновали. Рите было всего семь с небольшим, когда родилась Муся, но узнали они друг друга только через десять лет, и для Муси внезапно обретенная сестра стала большим потрясением. Муся не помнила, когда и от кого узнала о том, что Рита совсем не родная папина дочь: то ли подслушала нечаянно разговор бабушки с Ксенией, то ли проговорила сама Рита, но с тех пор Муся стала относиться к ней примерно так, как старшая дочь короля могла бы относиться к взятой из милости побирушке. А уж когда Муся увидела, как Рита кокетничает с Митей, она впала в ярость! Но теперь ей вдруг стало ужасно стыдно за свои чудовищные слова, сказанные при всех Рите.

В летней кухне кто-то возился: Иллария, разглядела Муся и пошла к ней, но та посмотрела довольно холодно, так что Муся не решилась попросить чего-нибудь пожевать, хотя в животе бурчало. Тогда она отправилась к тете Юле, но и там ее не пустили дальше порога:

– Ты дома была?

– Не-ет...

– Вот и иди домой. Расскажи папе еще раз, как ты его ненавидишь.

Муся ужаснулась. Она действительно не помнила выскочившей из нее в запале страшной фразы – вернее, помнила, как не помнить! Но ей казалось, что все это происходило не с ней, а с совсем другой Мусей. «Это не я кричала, – думала она в полном отчаянии, – не я!» Идти домой было страшно, и Муся направилась к речке – села на бережок и пригорюнилась. Там ее и обнаружил Анатолий, который в одних трусах с полотенцем на плечах спускался, чтобы искупаться.

– Ах, вот ты где! – сказал он.

Муся вскочила, но Анатолий очень быстро и ловко ухватил ее за ухо:

– Стоять!

– Пустите! Мне больно!

– А ты не дергайся, вот и больно не будет. Сейчас я тебя повоспитываю малость, а потом отпущу. Мать с отцом тебе такого не скажут, а я скажу.

– Пустите меня! Вы не имеете никакого права меня воспитывать. У вас свои дети есть, вот и воспитывайте.

– Да что ты? – Анатолий нагнулся и посмотрел ей прямо в лицо злыми зелеными глазами. – Так уж и не имею? Твоя мама мне сестра, пусть не родная, названная – так что я тебе, хочешь ты или нет, а дядя. А по возрасту так и вовсе в дедушки гожусь! Моих детей уже воспитывать поздно. Кроме Савушки, конечно. А тебя еще вполне можно и повоспитывать. Ты что это устроила? Ты как могла отца так перед всеми опозорить? Он на тебя не надышится, дрянь ты этакая!

– Да-а, а что он?..

– Что – он? Он тебе остаться не разрешил, и правильно сделал. Вон моя Фрося – уехала. Слезами обливалась, а уехала. И Рита. Потому что понимают – женщинам здесь не место. Мужчины воюют, женщины и дети дома сидят. А здесь будет война.

– А почему тогда мама? И тетя Юля?

– Ты еще спроси, почему бабка Марфа осталась! Маме отец разрешил, и то только потому, что она особенная женщина – пятерых мужиков стоит, Семеныч правильно сказал. А Юля – взрослая, разумная, у нее двое детей, она собой рисковать не станет, а ты, дура безмозглая, на рожон вечно лезешь! Мужчины воевать должны, а не отвлекаться на жен и дочерей – как бы они сдуру в огонь не попали!

Муся заплакала.

– Плачь-плачь, глядишь, поумнееешь! Меня не разжалобишь. Ты подумала, каково отцу твоему, а? Марина его полчаса в чувство приводила. Ведь если с тобой, козой, хоть что-нибудь тут случится – а про самое плохое я даже и думать не хочу! – отец не переживет. Как ты посмела отцу сказать, что ненавидишь?

– Я так не думаю! Это про... просто выра... выраже-ние... Фигура ре... речи-и...

– Фигура речи, твою мать! А я тебе буквально говорю, безо всяких фигур: не переживет. И что тогда с матерью будет?

Муся уже рыдала в голос.

– Вот чтобы от матери – ни на шаг! Скажет тебе: «Беги!» – побежишь, скажет: «Прыгай!» – прыгнешь, поняла? Поняла, я спрашиваю?

– Поняла-а-а...

– Все, свободна. Давай, иди отсюда. Мне искупаться надо, – и Анатолий, повернувшись к ней задом, стал стягивать трусы. Муся, задыхаясь от рыданий, понеслась наверх, где ее поймал Митя, уже некоторое время стоявший неподалеку – он застал конец воспитательного процесса, но не вмешался, хотя и страдал, слушая жестокие слова Анатолия. Муся уцепилась за Митю, как за спасательный круг, – обняла и заплакала, уткнувшись прямо ему в грудь, где под пропотевшей майкой тяжело бухало сердце.

– Ну ладно, ладно. Не плачь ты так. Все поправимо.

– Ты тоже?.. Ты тоже ду... думаешь, я зря... зря не уехала?

– Да.

– Я плохо поступила, да?

– Просто ужасно.

– Ты меня теперь ненавидишь? – Муся подняла залитое слезами лицо.

Митя кивнул:

– Обязательно.

– Нет, ну правда?

Митя улыбнулся, и вдруг Муся, которая всю жизнь вертела им как хотела, окончательно поняла: он – главный. И все теперь зависит от того, что сейчас скажет Митя. Она вся обратилась в слух, а Митя внимательно рассмотрел ее, покачал головой и сказал:

– Ты поступила чудовишно, и вообще ты самая вредная и противная девчонка из всех, кого я знаю, но я почему-то все равно тебя люблю. И когда ты станешь моей женой – а ты обязательно ею станешь! – я не позволю тебе выкидывать подобные фортели. Поняла?

– Поняла, – радостно сказала Муся и кивнула несколько раз, чтобы показать ему, как хорошо она поняла. – Как ты скажешь, так и будет. Я буду слушаться тебя, правда.

Муся поднялась на цыпочки, Митя наклонился, и они поцеловались – совсем не так, как на сеновале. Не чувственное влечение двигало обоими, а некое странное, изредка вспыхивавшее между ними сияние, попадая в которое и Муся, и Митя ощущали удивительную близость, словно открывалась таинственная дверь, до того не пускавшая их друг к другу. Вот и сейчас – дверь открылась, и свет наполнил их обоих, как вода наполняет один двойной сосуд, и потрясенная Муся произнесла, глядя снизу вверх в невозможные – медовые! – глаза Мити:

– Я люблю тебя!

Марина давно знала, что Муся в деревне, но Лёшке не говорила, а он не спрашивал. До самой темноты они все что-то делали по хозяйству, светя фонарями, и на ночь решили оставить дежурного – первым вызвался Семеныч. Дома Марина опять уложила Лешего «на поправку», как он ни сопротивлялся. Посреди процесса она вдруг остановилась и «прислушалась», потом покачала головой и усмехнулась:

– Анатолий Мусю воспитывает! У реки.

– Ты ее уже видела?

– Нет. Сейчас придет. С Митей еще поговорит и придет. Лёш, ты как? Она переживает очень сильно.

– Переживает она... Не знаю. Видеть ее не могу!

– Лёшечка, она осознала, я «вижу». Ты сам больше страдать будешь, если не простишь.

– Не знаю. Посмотрим.

В дверь постучали, Марина вышла – на крыльце стоял Митя. Марина вопросительно на него посмотрела, он кивнул и отступил в сторону. Зареванная Муся жалобно смотрела на мать.

– Ну что, горе мое? Стыдно тебе?

– Да-а... Мамочка, прости меня!

– Мамочка! Мамочка-то простит, а вот папочка – не знаю. Пошли попробуем.

– Может, мне тоже пойти? Тетя Марина? – спросил Митя.

– Нет-нет, не надо. – Муся страшно взволновалась. – Я сама. Не обижайся. Ты не оби-делся?

И столько было в ее голосе нежного трепета, что Митя весь расплылся в улыбке и прямо на глазах у Марины поцеловал Мусю и прижал к себе, над ее головой выразительно пожав плечами и подняв брови – что я могу поделаться! Марина только вздохнула: действительно, что тут поделаешь? Митя ушел. Муся стояла перед дверью и тряслась:

– Мам, а вдруг папа... не простит?

– Ну, значит, не простит. До конца своих дней не будет с тобой разговаривать.

Но Муся даже не поняла, что Марина ее же саму и цитирует. Она вздохнула и решительно распахнула дверь, Марина осталась на крыльце. Муся вошла, отец взглянул и отвернулся.

– Папа, – сказала она шепотом. – Папа, прости меня, пожалуйста.

Алексей молчал.

– Папа? Папа, пожалуйста, посмотри на меня! Я раскаиваюсь! Папа! Если бы я могла все вернуть назад, но я не могу! Что мне сделать, что? Скажи, я все сделаю! Только прости! – Она кинулась на пол и обняла отцовские ноги, положив голову ему на колени. – Папа! Дорогой, любимый, прости меня!

Потом схватила его руки и стала целовать, как всегда целовала Марина, и Лёшка не выдержал – поднял ее и посадил рядом на диван. Муся стала на коленки, обняла отца за шею и заплакала:

– Я виновата, я знаю, но я люблю тебя! Я больше никогда... никогда... все, что ты скажешь... пожалуйста! Папочка...

И Лёшка, и Марина одновременно вспомнили, как Леший утешал Марину в начале их совместной жизни, и оба улыбнулись. Марина вошла.

– Ну, сейчас утопишь отца в слезах. Лёш, скажи ей что-нибудь, а то это никогда не кончится.

– Эх ты, зверушка глупая, – сказал Леший и поцеловал дочь.

Спать толком никто не мог – душно, тревожно. Посреди ночи вдруг заплакала наверху Муся.

– Опять! Откуда у нее только слезы берутся? Может, мы перестарались? – спросил Алексей.

– Да ничего, пусть поплачет. Ей полезно, не переживай. Я схожу к ней.

Марина поднялась по деревянной лестничке к Мусе в светелку.

– Ну, теперь-то по какому вопросу плачем?

– Мама, я не могу! Я не понимаю, почему я такая! Я не хочу больше! Я боюсь, вдруг опять что-нибудь выкину! Оно там сидит внутри меня, а потом вылезает, само! А я не хочу! Я не хочу быть этой противной Мусей!

– Ой, горе! Хочешь, я тебе помогу?

Марина еще ни разу не работала с детьми – разные мелочи, вроде залечивания ссадин и утихомиривания капризов, не считались: это была просто легкая настройка. А то, что Марина делала с Лёшкой или Юлей, требовало более глубокого проникновения и было сравнимо с перезагрузкой. Марине казалось неправильным вступать в растущий детский организм, который развивался по собственному плану. Но Муся была почти взрослая, да и сама хотела перемен...

– Ну, давай рискнем. Расслабься. Может быть немного больно.

И Марина осторожно начала «поправлять» хрупкий внутренний мир дочери, словно садовница, выкорчевывающая сорняки и подвязывающая слабые ветки. Когда она закончила, Мусин «сад» выглядел совсем по-другому, более гармоничным и упорядоченным.

– Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо... Мам, хорошо! Мне нравится!

– Только дальше ты сама должна работать, понимаешь? «Само» только что-нибудь плохое получается, а над хорошим трудиться надо.

– Я знаю: душа обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь! Мам, а папа меня правда простил?

– Конечно! Он же тебя любит.

– Мне так стыдно, ты не представляешь! Как я буду завтра всем в глаза смотреть...

– А ты у всех тоже прощения попроси.

– Ой, правда! Спасибо! Я так и сделаю, точно!

– Ты справишься?

– Я постараюсь. А то как же мне дальше-то жить? Ма-ам, а знаешь?..

– Ну, что такое? – Марина догадывалась, о чем пойдет речь.

– Мы с Митей... Мы любим друг друга. Правда! Я так счастлива!

– Конечно, любите. Я всегда это знала.

– Мама, ты знала и мне не сказала?

Марина захохотала, Муся растерянно моргала, потом тоже засмеялась:

– Ты знаешь, это такое чувство волшебное, правда! Я совсем пропадала, а пришел Митя – и счастье! И мне совсем необязательно с ним целоваться. То есть... Мне, конечно, хочется. – Она смущенно взглянула на Марину, но та улыбалась. – Но необязательно! Я смотрю ему в глаза, и все! Правда, у него удивительные глаза? Медовые! Ни у кого таких больше нет! И вообще он очень красивый! Волосы совсем золотые! Ты замечала?

Тут Марина просто сгребла ее в охапку и расцеловала в горящие огнем щеки:

– Девочка моя маленькая! Влюбилась!

А Муся смотрела на мать сияющими глазами:

– Ты знаешь, мне кажется, это как у вас с папой! Правда! Как ты думаешь?

– Мне тоже так кажется.

Они еще долго смеялись и шептались, обнявшись, пока к ним, кряхтя, не поднялся отец и не разогнал. Остаток ночи Марина шепотом рассказывала ему про Мусину любовь, чтобы подготовить, а то как бы опять не разошелся. Наутро Муся набралась храбрости и встала из-за стола, где все на скорую руку завтракали. Марина позвенела ложкой о чашку:

– Внимание! Муся хочет произнести речь!

– Мы одну вчера уже слышали, – тихо проворчал Семеныч. Но Муся отозвалась:

– Да, я, конечно, вчера неудачно выступила.

– Это точно! – сказал Ванька.

– Вань, ты потом можешь мне врезать, если хочешь, а сейчас дай сказать.

– Это что такое – врезать? – возмутился Леший.

– Да замолчите вы все! Говори, Муся.

– Я прошу у вас всех прощения за свое вчерашнее поведение. Вот. Мне стыдно. Я больше не буду. Постараюсь. И еще... Я хочу сказать вам всем спасибо за то, что вы меня вчера... воспитывали. Особенно дяде Толе. Можно, я вас поцелую?

Раздалось дружное: «О-о!» – и Анатолий, в жизни не красневший, весь залился румянцем. Муся подошла и поцеловала его в щеку, растроганный Анатолий приобнял ее и тоже поцеловал в висок.

– Муся! – Леший нахмурился, а Марина, улыбаясь одними глазами, строго сказала:

– Толя! Ты там не увлекайся!

– Марин, обижаешь! Я как дедушка, ты что!

– Знаем мы этих дедушек, – проворчал Лёшка, провожая глазами розовую от смущения Мусю, которая на обратном пути ухитрилась еще и Митю поцеловать: быстренько, в макушку.

– Это что ж такое? – сердито спросил Леший. – У нас сегодня что – день поцелуев?

– Конечно! – ответила Марина и поцеловала его. – А ты не знал?

Митя встал.

– Еще одна речь, что ли? Работать пора!

– Подожди, это интересно.

Митя тоже смущался, но держался твердо.

– Уважаемые Марина Сергеевна и Алексей Михайлович!

Анатолий присвистнул:

– Да тут все серьезно.

– Я хочу сказать, что мы с вашей дочерью Мусей, – тут он несколько сбился. – Правда, ей это имя больше не нравится, но мы пока не придумали другое, поэтому пусть так...

– Митя! Говори уже! – зашипела на него Муся.

– Да! Мы с Мусей любим друг друга и хотим пожениться. Не сейчас, конечно! Когда Мусе будет восемнадцать. И я прошу у вас руки вашей дочери.

Он сел и вытер пот со лба.

– Ты ж понимаешь! – растерянно сказал Семеныч. – Нашли время!

А Иллария Кирилловна, утирая платочком слезу, ответила ему:

– Для любви всегда есть время!

«Вот кто бы говорил!» – подумал Семеныч, но вслух произнести не решился.

Часть 2

Пожар

День клонился к вечеру, скоро должно было совсем стемнеть, но небо светилось тусклым оранжевым отблеском приближающихся пожаров. А в воздухе висела мелкая, нагоняемая ветром копоть. Под навес потихоньку сползались «колхозники» – усталые, грязные и мокрые от пота. Они сделали уже очень много: опахали деревню и, насколько смогли, расчистили часть леса вокруг: вырубил подлесок, выжгли хвойную подстилку; подготовили помпы, убрали подальше все огнеопасное, устроили около реки загон для скотины – куры, поросенок и козы были в безопасности. Правда, поросенку пришлось надеть шлейку, и Муся следила, чтобы он не запутался в поводке, потому что шустрый Кузя всё норовил подрываться под ограду и сбежать на волю. Загон сначала хотели устроить на том берегу, и даже соорудили на скорую руку земляную лестницу, а то уж больно крутой подъем, но потом передумали, представив, каково это будет – тащить туда коз и поросенка. А лестница – ничего, потом пригодится. Шарик же пока так и бегал за Семенычем по деревне. «Потом ужо привяжу, не до тебя», – ворчал хозяин. На кошек пришлось махнуть рукой: пусть сами думают, не привязывать же всех. Да поди отлови их для начала! Но самой большой проблемой оказалась бабка Марфа – ее дом ближе всех стоял к лесу. Долго ломали голову, куда ее переправить, потом решили – к Анатолию. Там безопасней всего, и к реке ближе. Марфу посадили на стул, и Леший с Анатолием отнесли причитающую старуху на новое место – под истерический лай Шарика.

– Да привяжи ты его к чертовой матери! А то пристрелю на хрен! – заорал красный от жары и натуги Анатолий, а Семеныч насупился:

– Пристрелю... Не твоя животная. Шарик, пойдем, милай, пойдем. А то ишь – пристрелю...

Отдышавшись, Анатолий спросил, глядя на крышу своего дома:

– А что с солнечными батареями-то делать? Снимать, что ли, а? Мить, ты как думаешь?

– Я бы убрал, дядя Толя. Мало ли что. Мы снимем с Ванькой!

– Вы только поосторожней, не свалитесь. Лестница там, за домом.

Анатолий переглянулся с Мариной: вроде бы помягчел паренек-то. Собравшись за ужином – впрочем, от жары и усталости и есть-то особенно не хотелось, – в который раз обсуждали порядок действий: кто за что отвечает, кто куда бежит и кто кого слушается. Диспозицию распланировал Анатолий – он был главным, и все это понимали. Потом Марина, оглядев всех «бойцов», сказала:

– Я хотела присматривать за всеми. Но боюсь, не получится. Поэтому я сразу предупреждаю: я смотрю только за Алексеем и детьми. Если моя помощь будет нужна кому из взрослых – зовите. Не обязательно подходить ко мне или кричать, просто мысленно позовите, хорошо? Лёш, а ты смотри тоже, если что увидишь, сразу мне сообщай, ладно? И вы, дети! Так будет... будет проще... и... и надежней...

Марина вдруг нахмурилась и прислушалась.

– Что? Что ты видишь? Огонь?

– Да нет. Едет кто-то.

– Едет?

Мысленным взором Марина видела приближающийся внедорожник – кто же это? По такой дороге. Горело уже совсем на подступах к деревне, она знала.

– Боже мой, – медленно произнесла Марина и посмотрела сначала на Толю, потом на Юлю с Митей: – Это Кира и Аркаша!

Взрослые переглянулись, и Марина подумала, что паникер Аркаша тут совсем лишний. Да и Кира... Что это вдруг? Странно. Марина не видела Киру уже лет пять, а то и больше, но часто о ней думала. Марина знала, что в душе Киры зло постоянно борется с добром, и чаще всего побеждает именно зло. Несколько раз Марина пыталась как-то помочь, настроить на другой лад душевный мир Киры, но получалось плохо. Может быть, потому, что Марина так и не простила Киру, когда-то соблазвившую ее мужа. И себя простить не могла – за то, что однажды чуть не убила Киру под влиянием ревности, в аффекте. Вот и сейчас Марина невольно насто-рожилась и покосилась на Лёшку, который мрачно нахмурился, услышав имя Киры. Подъехавший минут через двадцать джип встречали только Марина с Анатолием – машина резко затормозила, и Кира, которая была за рулем, выскочила первой:

– А вот и мы! Не ждали?

Машина была вся в копоти, даже слегка дымилась, заднее стекло треснуло, а на крыше виднелась большая вмятина.

– Что с машиной? – мрачно спросил Анатолий, который не ждал ничего хорошего от приезда блудной дочери.

– А, это на нас дерево упало. Ерунда.

Глаза у Киры сияли, и хотя Марина по-прежнему не могла преодолеть ее защитный барьер, она все же чувствовала какую-то теплую волну. Тут из машины выпал Аркаша. И так и остался лежать рядом совершенно белый. Марина подошла.

– Да все с ним нормально. Обделался со страху, только и всего. Сейчас.

Кира схватила ведро, стоявшее под навесом, зачерпнула воды в бочке и вылила на Аркашу. Тот очнулся, сел, и стал таращить на всех испуганные глаза.

– Ну вот. Вставай, козлик. Шевелись. Не на курорт приехал.

Анатолий помог Аркаше подняться, а Марина положила руку ему на лоб – он было дернулся, но потом вздохнул глубоко и слегка порозовел.

– Иди, Аркадий, под навес, кваску выпей, полегчает, – Анатолий проводил его сумрачным взглядом и обратился к дочери:

– Зачем ты приехала?

– А ты не рад?

– Не особенно. Тут тебе не Монте-Карло.

– Я в курсе.

Марина молча смотрела на Киру, а та старательно делала вид, что не замечает ее взгляда. Но когда Анатолий, махнув рукой, ушел, повернулась к Марине:

– Ты тоже мне не рада?

Марина пожала плечами:

– Смотря зачем ты приехала.

– Не волнуйся, я не собираюсь приставать к Алексею.

– Я надеюсь. Я тебя ни о чем не прошу, но просто хочу, чтобы ты знала: у Лёши недавно был сердечный приступ. И если... из-за тебя... это повторится...

От жесткого взгляда Марины Кира поежилась и отступила на шаг:

– Нет. Из-за меня – нет.

– Здесь будет очень жарко, понимаешь? Во всех смыслах. Это не игра. И я не хочу тратить все свои силы на тебя, вместо того чтобы...

– Марина, я... Я понимаю. Я...

Они смотрели друг другу в глаза.

Марина знала, что Кира читает ее мысли – да она и не скрывала. Ей вдруг показалось, что и Кира готова открыться. Но та опустила голову, повернулась и пошла прочь.

– Кира, если тебе нужна моя помощь...

Та замерла.

– Ты же знаешь, я всегда готова...

Кира обернулась и еще раз взглянула Марине в глаза – этот взгляд Марина долго вспоминала, столько было в нем безнадежной тоски и отчаяния. Однако Кира усмехнулась довольно ядовито и насмешливо произнесла:

– Что, ты никогда не сдаешься?

– Кира, послушай. Давай поговорим.

– Времени нет. Ты разве не чувствуешь – время кончилось?! А, гори оно все огнем! – и Кира побежала к машине. – Митя! Митя, помоги машину разгрузить! Я там привезла кое-что!

Митя свернул к машине, и в ту же секунду истошно закричал Семеныч, который дежурил на краю деревни:

– Горит! Горит!

Кто-то с силой заколотил в гонг, и Марина, забыв о Кире, лихорадочно заметалась внутренним взором по деревне: «Где Леший? Муся? Ванька? Где все?!» Все были на местах – не зря же их натаскивал Анатолий. И Марина, стараясь не упускать из виду никого, тоже пошла на свое место – рядом с Лёшкой. Вроде бы он был в норме, но Марина на всякий случай немножко поддерживала его. Она чувствовала необыкновенный подъем сил и видела всю картину сразу, причем как бы слегка забегая вперед – на минуту или две; кожей ощущала направление ветра и понимала, куда движется огонь, постепенно окружавший их полукольцом – сосны казались совершенно черными на фоне зарева. «Так вот зачем! – подумала Марина. – Вот зачем дана мне сила!» Все ее страхи и неуверенность исчезли – сама стихия огня питала ее энергией, и Марина поняла, что сможет выдержать все – что бы оно ни было. Совсем стемнело, все заволокло дымом, а пожар только ослеплял, не прибавляя света. Мимо еле успевшей отскочить Марины с ревом промчался внедорожник Киры – она отгоняла машину поближе к реке. Марина крикнула Анатолию:

– Толя, сейчас дом Марфы загорится!

Анатолий развернул шланг и закричал Мите:

– Давай включай!

Сильный порыв ветра как раз принес на кровлю дома какие-то горящие клочья, и сильная струя воды тут же их сбила, но зато загорелся забор у дома Илларины, потом вспыхнула крыша сарая Семеныча...

Потом, когда все закончилось, никто из них не смог восстановить в памяти полную картину происходящего – всё распадалось на множество фрагментов, разрозненных кусочков, не совпадающих пазлов: Анатолий и Лёшка со шлангами, из которых хлещут тугие струи воды; Семеныч и Митя, растаскивающие головешки сгоревшего сарая; Кира, плещущая из ведра на Ваньку, у которого задымились вдруг джинсы; испуганная Илларины на крыльце дома Анатолия; мокрый с ног до головы Аркаша, с трудом удерживающий шланг; Муся, бегающая по берегу за Кузей, который все-таки вырвался на свободу, истеричное блеяние перепуганных коз и лай охрипшего Шарика...

Марина напряженно следила за происходящим и особенно пристально за Алексеем: она словно все время держала его за руку, проверяя пульс. И за Кирой, но та держала слово и не приближалась к Лёшке, даже не попадала в поле его зрения, зато все время лезла в самые опасные места, словно нарочно. А может, и правда – нарочно? Один раз Марина даже придержала ее силой и уловила вспышку ярости: «Оставь меня!»

Сколько это длилось? Несколько часов? Несколько суток? Время словно остановилось – оно не имело значения, важен был только огонь, который постепенно стал устывать. Только тогда и люди почувствовали, что смертельно устали. Они замерли, боясь поверить, что все самое страшное позади – неужели выстояли?! В лесу еще что-то вспыхивало, взметая снопы искр, что-то рушилось с грохотом, но главный огонь иссяк, задохнувшись. Черные от копоти, потные, все в ожогах и ссадинах, они тяжело дышали и сами постепенно остывали, как облитые

водой головешки. Марина огляделась – ну что ж, все могло быть и хуже. Сгорела пара сараев, верхняя башенка на тереме – туда не доставала вода из шланга. И часть дома Марфы, как ни старались мужики, спасти не удалось.

– Да-а, – сказал Семен Семеныч, хлопая себя по карманам – во рту у него торчала неведомо откуда взявшаяся сигаретка. – Да-а... Мужики, огоньку нету ни у кого?

– Чего тебе? – спросил Толя и захохотал. – Огоньку?!

– Ну, прикурить... Огоньку бы...

– Тебе огня мало было? – Леший тоже засмеялся, за ним и остальные. А Семен Семеныч все не понимал и только моргал обожженно – глаза на закопченной физиономии светились, как два голубых окошка. Мужики же хохотали до слез, не в силах остановиться, наконец засмеялся и сам Семеныч, да так, что сел на землю и замахал руками: «Огоньку... мало... ах-ха-ха-ха!»

– Лёшка-а! – вдруг страшно закричала Марина.

Обернувшись на ее крик, все увидели, как медленно-медленно стал клониться набок Алексей. Марина побежала к нему со всех ног. Алексей упал ей на руки, но улыбка еще жила на его мертвом лице...

Рванув рубашку, Марина опустила обе руки ему на грудь и ударила всей своей силой, запуская остановившееся сердце. Леший дернулся, как от удара током, и сердце пошло – нехотя, запинаясь, то торопясь, то замедляя ход. Марина села рядом, держа одну руку у него на груди, а другой прижимая к своему сердцу руку Алексея.

– Лёша! Лёша! Лёша! – кричала она сорванным, хриплым голосом. – Не уходи! Лёша, не уходи, Лёша, Лёша...

Потом подняла голову:

– Толя? Ты где? Толя!

– Я здесь. – Анатолий встал так, чтобы Марина его увидела. – Я вот он.

– Толя. – Марина глядела на него сухими, черными от горя глазами. – Толя, у Лёшки инфаркт. Я его держу, больше ничего не могу. Я не знаю, насколько меня хватит. Срочно нужна реанимация, срочно! Я не знаю, что делать, Толя, я не знаю, сами мы его не доведем, он не перенесет, да и куда везти. А дорога какая! Толя, ты все можешь, я знаю, сделай что-нибудь, Толя.

Он смотрел на Марину и понимал – когда у нее кончатся силы, она просто ляжет рядом со своим Лёшкой и умрет. И все. Вынув из кармана телефон, Анатолий побежал к реке – там сигнал был лучше.

– Дети! Муся, Ваня, говорите с отцом!

Первой поняла Муся – встала рядом на колени и так же, как мать, прижала руку Лешего к своему сердцу:

– Папа, папочка! Папа, прости меня! Папа, не умирай!

Ваня обнял сестру, уткнулся ей в плечо и тоже шептал потрескавшимися губами:

– Папа... папа...

«На одну секунду! – думала Марина. – На одну секунду я расслабилась, отпустила его, и вот!» Марина видела Лёшку, зависшего в пульсирующем светом пространстве – она держала его всей силой своей любви, и Муся держала, и Ваня, и Иллария Кирилловна, которая часто крестилась и шептала молитву, и Семеныч, тихо матерившийся со слезами на глазах, и Юля, и Митя, и Анатолий, и даже Аркаша.

– Марина, чем помочь? – спросила Юля.

– Под голову ему что-нибудь положите, невысокое. Воды дайте! Мне попить и лицо обтереть...

– Я принесу! – Митя помчался за водой.

– Мама, мамочка! Может, тебе лучше лечь рядом, а то ноги затекут!

– Муся, я усну тогда. Мне спать нельзя. Следи, чтобы я не заснула.

– Может, кофе? Там оставался! Я принесу. – И Аркаша ушел за термосом.

Кира поднималась от реки, где умывалась, и столкнулась с отцом, орущим что-то по телефону, он махнул ей рукой в направлении деревни, тут она наконец увидела людей, окружавших лежащего на земле Лешего, и побежала. Немного не добежав, она споткнулась, упала и проползла уже на коленях. Когда доползла, обняла Марину за плечи, и та вдруг почувствовала такую волну любви и сострадания, что сила ее удвоилась: теперь они справятся, продержатся!

Вернулся Анатолий:

– Марин, я дозвонился, тут рядом вертолет МЧС, они будут минут через пятнадцать.

– Ты сказал, что инфаркт?

– Сказал.

– Хорошо. Пятнадцать минут я продержусь. Даже полчаса. Дети, сейчас прилетит вертолет, я уеду с отцом. Теперь все будет хорошо, слышите? Поняли? Я на вас надеюсь. Юля, ты...

– Марин, мы справимся.

Марина закрыла глаза и сосредоточилась на Лёшке. Вспомнила, как во время их страшного разлада твердила про себя строчки песни Максима Леонидова: «Если он уйдет, это навсегда! Только не дай ему уйти!» – «Не дам!» – подумала она. – «Ни за что!»

– Мама! – вдруг воскликнула Муся. – Мама, смотри!

Лёшка приоткрыл глаза – мутные, красные – и тихо произнес, еле шевеля губами:

– Что ты... кричишь так...

Господи, очнулся!

– Как ты, милый?

– Боль... Больно...

– Сейчас. Потерпи немножко, сейчас. Не уходи. Любимый мой, желанный, счастье мое, свет мой, радость моя, единственный мой! Лёша...

Прилетел вертолет, молодой врач, пригибаясь под метущими ветром лопастями, побежал к ним. Марина вздохнула с облегчением.

– Теперь отойдите все немножко. Кира, вставай! Спасибо тебе, детка.

Анатолий поднял Киру – ноги ее плохо слушались – и поцеловал: «Доченька моя». Кира заплакала навзрыд, уткнувшись ему в грудь. Врач с удивлением посмотрел на Марину, потом осторожно сказал:

– Вы руку уберите, я его послушаю.

– У него инфаркт. Сколько времени прошло, как упал?

– Полчаса где-то, – ответил Анатолий. – Максимум, минут сорок.

– Инфаркт на фоне гипертонического криза. Давление очень высокое было, за двести, я думаю. Сейчас я снизила. Делайте что нужно! – сказала Марина.

– Послушайте... – начал было врач. Но Марина его перебила:

– Некогда мне вам объяснять, боже ж ты мой! Саша, да? Саша, я знаю – вы с утра не ели, разбили коленку, мама вам звонила уже пятнадцать раз, вашу девушку зовут Ксюша, что еще вам сказать, чтобы вы мне поверили? Вы боитесь летать на вертолете, но вы хороший врач!

– Вы что... вы экстрасенс?

– Да, да! Я веду его. Теперь вы. Давайте! Ну!

Врач раскрыл чемоданчик, достал шприцы, ампулы, стал колоть – сначала внутривенно, потом в живот, объясняя Марине:

– Это гепарин и плавикс – антикоагулянт.

– Больно, – сказал Леший, снова открыв глаза.

– Сейчас, – и врач всадил еще кубик морфия.

До вертолета Леший дошел на своих ногах, хотя и с трудом – преодолевая слабость и жгучую боль за грудиной. Анатолий помогал, а Марина держала мужа за руку. Она влезла на борт, оглянувшись:

- Мы полетели. Держитесь тут. Дети, все будет хорошо, не бойтесь.
 - Мама, возьми меня! – закричала Муся. – Возьми, пожалуйста!
 - Нет. Тебе с нами не надо! Слушайте Анатолия и Юлю, вы поняли?
- И вертолет взлетел.

Областная больница надолго запомнила явление в ее стенах Злотниковых – а потом и Свешникова. Это была самая обычная больница, каких много в России, и в ней всего хватало: и хороших врачей, и злобных медсестер, замученных непрерывным потоком больных, постоянным безденежьем и текучкой кадров. Кардиологическое отделение там было одно из лучших в области, это и решило дело. Марина никогда еще не чувствовала себя такой сосредоточенной и сильной – словно стальной клинок, она разила прямо в цель. Их приняли без звука, хотя документов не было никаких – Лешего, опять потерявшего сознание, положили в отдельную палату, а сестры и врачи сразу забегали вокруг него: тут же сделали кардиограмму, взяли анализы и поставили капельницы. Марина убедилась, что Лёшка стабилен, и отправилась к главврачу, который слегка удивился, увидев входящую в кабинет растрепанную и перемазанную сажей женщину в грязной майке и рваных, а местами даже обгорелых джинсах. Марина села, мгновенно «просканировала» сидящего напротив человека – он держал в руке кружку с кофе – и сказала:

– Здравствуйте, Виталий Петрович! Надеюсь, мы с вами найдем взаимопонимание. Только что к вам поступил с инфарктом мой муж. Документов у нас нет никаких, мы прямо с пожара – вы видите. Я буду с мужем и днем, и ночью. Можно поставить в палату какую-нибудь раскладушку, если есть. Если нет, я куплю. Мне хотелось бы срочный консилиум, чтобы я знала, как обстоят дела и что нужно: операция, лекарства, медоборудование. Завтра приедет мой брат, он за все заплатит. Сегодня просто не успеет. Я прошу вас разрешить мне все это и довести ваше разрешение до сведения персонала, чтобы мне не чинили препятствий. Мне некогда отвлекаться еще и на всякие бесконечные урегулирования. Я могла бы заставить вас, но не хочется зря тратить силы, когда можно договориться. И я бы тоже выпила кофе.

– Послушайте! Вы что себе позволяете?! Вы кто такая?!

– Я Марина Сергеевна Злотникова. Поставьте, пожалуйста, чашку на стол. Нет, допейте сначала. И на самый край. Спасибо.

Чашка взорвалась и рассыпалась осколками.

– Ну вот, сразу легче стало. Я ведьма. Экстрасенс, если вам так понятнее. Ну, например: у вас вырезан аппендицит и вы хуже слышите левым ухом. Еще могу рассказать все о вашей сексуальной жизни, начиная с потери невинности в пятнадцать лет и до вашей последней любовницы, которую зовут Валечка. А вот и кофе, очень кстати!

Вошла секретарша с подносом – чашка кофе и тарелочка с печеньем.

– Спасибо, Валечка! Вы не могли бы найти для меня еще комплект одежды? Халат или что-нибудь с брюками?

– Конечно, Марина Сергеевна! – И Валечка упорхнула.

Марина пила кофе, Виталий Петрович еще какое-то время недоуменно таращился на нее, потом откашлялся и наконец выдавил:

– Э-э-э-э...

– Да не волнуйтесь вы так. Ваша жена ничего не узнает, мне, в общем-то, наплевать. Меня волнует только мой муж. Конечно, мы поможем вам по мере сил и деньгами, и оборудованием. И я, чем могу. А я умею не только чашки бить.

Вошла Валечка и, мило улыбувшись, положила на стул целлофановую упаковку с бледно-зеленым медицинским комплектом: брюки, блуза и шапочка, а на пол поставила белые шлепанцы.

– Вот.

– Спасибо, деточка. Потом покажете, где можно принять душ, хорошо? Ну что, Виталий Петрович, мы с вами договорились?

Леший очнулся и не сразу понял, где он, потом сообразил, что в больнице. Он лежал как-то очень высоко, с толстым катетером в вене, к которому был прикреплен пластиковый резервуар с воткнутыми иглами от капельниц и шприцев. Марина сидела рядом и держала Лешего за руку, посматривая время от времени на монитор в головах кровати, на котором чередовались зеленые цифры и волны.

– Как ты себя чувствуешь, милый?

– Странно. Инфаркт, что ли?

– Ну да. Тебе провели тромболитизинг, но не очень помогло. Нужна операция. Все обойдется, я с тобой. Все будет хорошо!

Марина не стала ему говорить, что нужна не просто операция, но и невероятно дорогие стенты. Она позвонила Анатолию, тот крикнул:

– Ничего себе! Да, дешевле быть здоровым, точно!

– Толь, ты сможешь оплатить? Мы потом...

– Марин, не вопрос. И ни о каких «потом» я слышать не хочу, поняла? Я просто подумал, а как же те люди, у которых таких деньжищ нет? Им что – помирать?

– Да есть какая-то квота, но мы же не местные! В Москве ему бы, наверное, и бесплатно сделали бы, не знаю. Но до Москвы мы не доедем.

– Понятно.

Анатолий приехал на следующий день, привез документы, деньги и Мусю, жалобно глядевшую на мать.

– Толя, зачем ты ее-то взял?

– Мамочка, можно я с тобой буду? Я хочу помогать.

– Марин, да пусть поможет. А то только переживает зря. Я ей номер снял в гостинице, а днем будет приходить, ничего. Она справится.

– Справится, – Марина была настроена сурово. – Муся, если ты собираешься сидеть тут и слезы лить, лучше уезжай. А нет – так будешь все делать, что скажу.

– Я буду! Все-все! Можно мне к папе?

– Иди, только не смей реветь! Не волнуй отца. Я сейчас приду.

– Ну что, вроде бы все? – сказал, поднимаясь, Анатолий. – Я распорядюсь, деньги сегодня же перечислят. Так, это я сказал, об этом предупредил...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.